

Стокер Б.

ТАЛИСМАН МУМИИ

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Брэм Стокер

Талисман мумии

«Алгоритм»

1903

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)

Стокер Б.

Талисман мумии / Б. Стокер — «Алгоритм», 1903 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-501-00091-9

Брэм Стокер (1847–1912) – ирландский писатель; родился в Дублине. По окончании местного колледжа состоял на гражданской службе, попутно писал театральные рецензии для газет. В 1878 г. Стокер вместе с женой переезжает в Лондон, где начинает карьеру писателя. Его книги становятся весьма популярными, но подлинное бессмертие обретает лишь один его роман – «Дракула», самое известное произведение о вампирах. Опубликованная в 1897 г., книга Стокера стала признанной классикой жанра, возникшего на стыке средневековых приключений и мистики. Она послужила причиной бурного всплеска всемирного увлечения «вампирской» темой и подарила литературе одного из ее постоянных персонажей. Стокеру удалось создать новый, необычайно красивый мир, простирающийся от Средних веков до наших дней, от загадочной Трансильвании до прагматичного Лондона. Публикуемый в данном томе роман «Талисман мумии», продолжает традиции литературы «мистери энд хорор» и погружает читателя в туманный Лондон XIX в., в котором происходят зловещие события, своими корнями обращенные в Египет времен фараонов и великих богов.

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)

ISBN 978-5-501-00091-9

© Стокер Б., 1903

© Алгоритм, 1903

Содержание

Глава 1 Ночной зов	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Брэм Стокер

Талисман мумии

© ЗАО «Мир Книги Ритейл» оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Посвящаю Элеонор и Констанции Хойт

Глава 1 Ночной зов

Происходящее уже казалось настолько реальным, что мне не верилось, будто все это могло случиться раньше. И все же события, сменившие друг друга, были не новыми, неизвестными, а вполне известными, ожидаемыми. Подобным образом с нами шутит память – к добру или злу, радости или боли, счастьем или беде. Вот почему наша жизнь сладостно-горькая и то, что свершилось, становится вечным.

И вновь замедлял ход легкий ялик и скользил – от жгучего июльского солнца к прохладной тени плакучих ив – по ленивым водам, блестя веслами, с которых стекала вода, и я стоял в качающейся лодке, а она сидела недвижно и проворными пальцами отводила от себя случайные веточки и упругие сучья движущихся деревьев. Вновь вода казалась золотисто-коричневой под шатром прозрачной зелени, а травянистый берег носил изумрудный оттенок. Вновь мы сидели в прохладной тени, окруженные мириадами природных звуков, а наш приют уносил нас в сонное царство, в котором великий мир с его волнениями, бедами и еще более тревожащими радостями мог быть с успехом забыт. Вновь в этом блаженном уединении юная девушка, отринув условности чопорного и жестокого воспитания, рассказала мне мечтательно и просто об одиночестве своей новой жизни.

С легкой грустью она поведала о том, как подавляло в их просторном доме всех слуг величие отца и дочери, а потому доверию и сочувствию в нем не нашлось места и даже лицо ее отца казалось столь же отдаленным, как старая сельская жизнь на нынешний взгляд. Еще раз моя мужская мудрость и опыт прошлых лет оказались у ног этой девушки. Похоже, они сделали это по собственной воле; ведь личное «я» было не в счет и лишь повиновалось необходимым приказам. И снова летящие секунды бесконечно множились, потому что в таинстве снов реальности сливаются и обновляются, изменяются, но остаются прежними, – словно душа музыканта, вложенная в фугу. Так же и память замирает снова и снова, погружаясь в сон.

Похоже, совершенный покой никогда не наступит. Даже в Эдеме змей качает головой меж отягченных ветвей Древа Познания. Тишина бессонной ночи нарушается ревом лавины, бурлящим свистом внезапных наводнений, звоном колокола, сопровождающим бег паровоза через сонный американский городок, шлепанье далеких лопастей в открытом море.

Что бы это ни было, оно нарушает чары моего Эдема. Шатер зелени над нами, усеянный алмазными лучиками света, казалось, подрагивает от непрестанных ударов лопастей, а неутомонный колокол звенит, не собираясь умолкнуть...

И вдруг ворота сна широко распахнулись и мой пробуждающийся слух уловил источник беспокоящих звуков. Пробуждение было достаточно прозаично – некто стучал и звонил в чью-то уличную дверь.

В своих комнатах на Джермин-стрит я неплохо приноковался к посторонним шумам: обычно меня не волновали ни во сне, ни наяву любые, даже шумные, занятия моих соседей. Но этот шум был слишком долгим, настойчивым и слишком повелительным, чтобы его можно было игнорировать.

За этим нескончаемым звуком таился активный ум и одновременно некое потрясение или необходимость.

Я не был полным эгоистом и при мысли о чьей-то необходимости, не раздумывая, вылез из постели. Машинально я поглядел на часы: было лишь три часа и вокруг зеленых жалюзи, затемняющих мою комнату, появился слабый серый тон. Очевидно, стук и звон предназна-

лись двери нашего собственного дома, и еще очевиднее было то, что ответить на зов было некому. Набросив халат и шлепанцы, я сошел вниз, к двери в прихожей. Когда я открыл ее, то увидел щеголеватого грума: одной рукой он стойко нажимал на электрический звонок, а другой непрерывно грохотал в дверь колотушкой. В тот же миг, как он заметил меня, шум прекратился: одна рука машинально метнулась, чтобы коснуться поля шляпы, а другая извлекла из кармана письмо. Изящная карета стояла напротив двери, и лошади дышали тяжело, словно проделали большой путь. Привлеченный шумом, рядом остановился полисмен с зажженным фонарем на поясе.

– Прошу прощения, сэр, за беспокойство, но я получил срочный приказ и должен был стучать и звонить до тех пор, пока кто-нибудь не появится. Могу я спросить, сэр, не здесь ли живет мистер Малкольм Росс?

– Я Малкольм Росс.

– В таком случае письмо предназначено вам, сэр, и карета также!

Со странным любопытством я взял у него письмо. Конечно, будучи барристером¹, я время от времени попадал в необычайные ситуации, включая срочные вызовы, но подобного еще не было. Отступив в прихожую, я прикрыл дверь, но не до конца и выключил электрический свет. Письмо было написано чужим женским почерком. Оно начиналось сразу, минуя обращение «дорогой сэр» или подобное ему.

«Вы обещали помочь мне, если понадобится, и я верю, что вы говорили серьезно. Это время пришло скорее, чем я ожидала. Я в ужасной беде и не знаю, куда и к кому обратиться. Боюсь, у меня есть основания думать, что на жизнь моего отца покушались, впрочем, слава богу, он все еще жив. Но он совершенно без сознания. Были вызваны врачи и полиция, но здесь нет никого, на кого я могла бы положиться. Приезжайте немедленно, если сможете, и простите меня. Полагаю, позже я пойму, что именно натворила своей просьбой о столь большом одолжении, но пока я не в силах об этом думать. Приезжайте! Приезжайте немедленно!

Маргарет Трелони».

Боль и восторг боролись во мне, пока я читал это письмо, но надо всем довлела мысль о том, что она в беде и позвала меня – меня! Так, значит, мой сон о ней имел какие-то основания. Я позвал грума:

– Погодите! Через минуту я буду с вами! – И бросился наверх.

Лишь несколько мгновений понадобилось, чтобы умыться и одеться, и вскоре мы мчались по улицам так быстро, как могли выдержать лошади. Это было утро рыночного дня, и, выехав на Пикадилли, мы обнаружили бесконечный поток телег, едущих с запада, но оставшая часть дороги была пуста, и мы двигались быстро. Я попросил грума сесть ко мне в карету и рассказать на ходу о том, что произошло. Неуклюже усевшись рядом, он положил шляпу на колени и заговорил:

– Мисс Трелони, сэр, послала человека с просьбой немедленно приготовить карету, а когда мы были готовы, она пришла сама, подала мне письмо и приказала Моргану – вознице, сэр, – лететь. Она сказала, что мне не следует терять ни секунды и стучать непрерывно, пока кто-нибудь не придет.

– Да, я знаю, знаю – вы мне говорили! Но я хочу знать, почему она послала за мной. Что случилось в доме?

– Я и сам толком ничего не знаю, сэр; кроме того, что хозяина нашли в комнате без чувств, между окровавленных простыней и с раной на голове. Его до сих пор не разбудить. Нашла же сама мисс Трелони.

¹ Барристер – адвокат, практикующий в верховных судах (англ.).

- А как случилось, что она нашла его в такой час? Ведь была поздняя ночь, не так ли?
- Не знаю, сэр. Я вовсе не слышал о подробностях.

Поскольку он больше ничего не мог сказать, я на минуту остановил карету, чтобы он вылез наружу, а затем сидел в одиночестве, размышляя о случившемся. Можно было расспросить слугу о многих вещах, и некоторое время после того, как он ушел, я злился на себя за то, что не использовал эту возможность. Но по зрелом размышлении я был рад, что искушение уже исчезло. Я чувствовал, что разумнее будет расспросить обо всем, что меня интересовало, саму мисс Трелони, нежели слуг.

Мы быстро проскакали по мосту Рыцарей, и тихий шорох нашего отлично содержавшегося экипажа эхом прозвучал в утреннем воздухе. Затем повернули на Кенсингтон Пэлис-роуд и вскоре остановились напротив большого дома по левую сторону, ближе, насколько я мог судить, к Ноттинг-хиллу нежели к Кенсингтонскому концу авеню. Дом был истинно прекрасным, не только благодаря величине, но и архитектуре. Даже в сером полумраке утра, обычно уменьшающем размеры, он выглядел большим.

Мисс Трелони встретила меня в холле. Она никоим образом не была застенчивой. Она управляла домом уверенно и спокойно, как подобает высокородным особам, и это было тем более удивительно, если иметь в виду ее нынешнее состояние и бледность. В огромном холле находилось несколько слуг: мужчины стояли у входной двери, а женщины жались друг к другу по углам и в прочих дверных проемах. С мисс Трелони разговаривал старший офицер полиции, а двое мужчин в мундирах и один в штатском стояли рядом. Она порывисто схватила меня за руку, в глазах у нее появилась радость, и она облегченно вздохнула. Ее приветствие было простым:

- Я знала, что вы придете!

Пожатие руки может сказать о многом, даже если оно не означает чего-то особенного. Каким-то образом рука мисс Трелони утонула в моей руке. И не то чтобы эта рука была маленькая – она была гибкая и изящная, с длинными нежными пальцами, редкая и прекрасная рука, – это было непроизвольным подчинением. Но в тот миг я не мог сосредоточиться на причине охватившего меня волнения; это пришло ко мне позже.

Она повернулась и сказала старшему офицеру:

- Это Малкольм Росс.

Офицер отдал честь и ответил:

- Я знаю мистера Малкольма Росса, мисс. Возможно, он вспомнит, что я имел честь работать с ним над делом фальшивомонетчиков в Брикстоне.

Я не узнал его с первого взгляда, обратив все свое внимание на мисс Трелони.

- Ну конечно, старший офицер Долан, я прекрасно помню вас! – сказал я, пожимая ему руку.

При этом я заметил, что наше знакомство несколько успокоило мисс Трелони. Я обратил внимание на некоторое замешательство в ее поведении и почувствовал, что для нее не столь неловко было бы поговорить со мной наедине. Поэтому я сказал офицеру:

- Пожалуй, лучше будет, если мисс Трелони побудет со мной наедине. Несомненно, вы уже выслушали все, что она знает, а я лучше пойму положение, если смогу задать несколько вопросов. Затем мы обсудим это дело с вами, если вы не возражаете.

- Буду рад услужить вам, чем могу, сэр, – сердечно ответил он.

Проследовав за хозяйкой, я вошел в нарядную комнату со входом из холла и с окнами, выходящими в сад с тыльной стороны дома. Мы вошли в нее, я закрыл дверь, и мисс Трелони сказала:

- Я поблагодарю вас за вашу доброту и помощь в моей беде позже. Но сейчас для вас лучшим будет узнать все обстоятельства.

– Говорите, – произнес я. – Расскажите все, что знаете, и не упускайте подробностей, насколько незначительными они бы вам ни казались сейчас.

Она медленно продолжала:

– Меня разбудил какой-то звук: не знаю, что это было. Знаю только, что он пришел ко мне во сне. Я сразу же проснулась с сильно колотящимся сердцем и начала вслушиваться в звуки из отцовской комнаты. Моя комната находится рядом с нею, и я часто слышу, как он двигается перед тем как заснуть. Он работает до поздней ночи, иногда едва не до утра, и поэтому, просыпаясь рано, как со мной иногда происходит, или же в рассветных сумерках, я слышу его движения. Однажды я пыталась укоротить его – ведь это не на пользу его здоровья, – но повторить этот эксперимент больше не смела. Вы знаете, каким суровым и холодным он может быть, – по крайней мере, помните о том, что я рассказывала. Когда он вежлив и находится в этом настроении, он просто ужасен. Когда он сердит, я переношу это лучше, но когда он нетороплив и педантичен, а край его губы приподнят, показывая острые зубы, мне кажется – ну просто не знаю что! Прошлой ночью я тихонько поднялась и прокралась к двери, боясь потревожить его. Ни звуков, ни криков совершенно не было, но слышался некий странный вязкий шум и медленное, тяжелое дыхание. Ах! Это было ужасно, ожидать в темноте и тишине и бояться – бояться неизвестно чего!

Наконец я собралась с духом и, как можно тише повернув ручку, чуть приоткрыла дверь. Внутри было довольно темно, и я различила лишь очертания окон. Но в темноте тяжелое дыхание слышалось громче и пугало больше. Некоторое время я прислушивалась к нему, но других звуков не последовало. Я резко распахнула дверь, так как боялась открывать ее медленно, чувствуя, что за нею может быть нечто страшное, готовое на меня броситься! Потом включила электрический свет и шагнула в комнату. Вначале я посмотрела на постель. Простыни были измяты, и я поняла, что отец в постели, но посреди нее было огромное темное пятно, расплывающееся до краев, и при виде этого мое сердце остановилось. Я смотрела на пятно, но тут дыхание донеслось ко мне через комнату, и мой взгляд устремился на звук. Там лежал мой отец, на правом боку, подогнув под себя руку, будто его мертвое тело небрежно швырнули в сторону. Кровавый след тянулся через комнату к постели, и когда я склонилась над отцом, то заметила вокруг него лужицу крови, казавшуюся ужасно красной и блестящей. Лежал он перед своим большим сейфом. Он был в пижаме. Левый рукав был оторван, обнажая его руку, вытянутую по направлению к сейфу. Она выглядела – ах! просто ужасно, вся запятнанная кровью, с рваной или порезанной плотью вокруг золотого браслета на его кисти. Я не знала, что он носит подобную вещицу, и вновь была поражена. Она на минуту смолкла, и я, желая отвлечь ее хоть на миг, сказал:

– Но вы могли не удивляться этому. Нынче браслеты носят мужчины, о которых этого никогда не подумаешь. Я видел, как судья приговорил человека к смерти, и на кисти его поднятой руки был золотой браслет.

Казалось, она не слишком над этим задумалась, но короткая пауза немного успокоила ее, и она продолжала более твердым голосом:

– Я вызвала помощь, не теряя ни минуты, потому что боялась, что он умрет от потери крови. Я позвонила, а затем вышла и позвала на помощь громко, как смогла. Должно быть, довольно скоро, – хотя для меня это тянулось неимоверно медленно, – прибежало несколько слуг, затем появились другие, и вскоре комнату заполнили люди с вытаращенными глазами, всклокоченными шевелюрами и во всевозможных ночных одеяниях.

Мы подняли отца на диван, и экономка, миссис Грант, сохранившая самообладание в большей степени, чем мы, принялась отыскивать источник кровотечения. Через пару секунд стало очевидно, что он находится на его обнаженной руке. Там была глубокая рана, – не с ровными краями, как от ножа, а рваная, – и располагалась она ближе к кисти, по-видимому, задев вену. Миссис Грант повязала вокруг раны платок, крепко затянув его серебряным ножом для

вскрытия конвертов, и поток крови, казалось, немедленно прекратился. К этому времени я уже пришла в себя, насколько смогла, и послала слугу за врачом и другого за полицией. Когда они ушли, я почувствовала, что, не считая нескольких слуг, осталась в доме одна и ничего в этом деле с отцом не понимаю. Тут мне ужасно захотелось, чтобы рядом оказался кто-нибудь, кто мог помочь. И я подумала о вас, о вашем добром обещании в лодке под ивами и, не раздумывая, приказала слугам немедленно приготовить карету, написала записку и отправила ее вам.

Она помолчала. В эту минуту мне не хотелось ничего говорить и я посмотрел на нее; думая, она поняла, потому что глаза ее на миг поднялись и опустились, щеки зарделись, словно розы. С явным усилием она продолжала свой рассказ:

– Доктор прибыл невероятно быстро. Грум как раз встретил его отпирающим дверь своего дома, и он прибежал сюда бегом. Он сделал надлежащий турникет для руки бедолаги-отца, затем отправился домой за некоторыми инструментами. Надеюсь, он скоро вернется. Потом пришел полисмен, он дал знать в участок, и вскоре появился старший офицер. Затем пришли вы.

Последовало долгое молчание, и я на миг осмелился взять ее за руку. Без единого слова мы открыли дверь и присоединились к офицеру в холле. Он поспешил к нам, говоря на ходу;

– Я осматриваю все лично, и уже отправили донесение в Скотланд-Ярд. Знаете, мистер Росс, в этом деле столько странностей, что я предпочел бы заполучить лучшего специалиста из Департамента по уголовным расследованиям. Поэтому в записке я попросил немедленно прислать сюда сержанта Доу. Вы помните его, сэр, по тому американскому делу об отравлении в Хокстоне.

– Ну еще бы! Я хорошо помню его по этому и другим делам, поскольку воспользовался несколько раз его ловкостью и проницательностью. Это самый здравомыслящий человек из всех людей, которых я знаю. Выполняя роль защитника и веря, что мой подзащитный невиновен, я рад был ему в качестве обвинителя!

– Это весьма высокая оценка, сэр! – с благодарностью произнес старший офицер. – Я рад, что вы одобрили мой выбор и что я не ошибся, послав за ним.

– Лучшего не найти, – искренне заметил я. – Не сомневаюсь, что с вашей помощью мы доберемся до всех фактов и за тем, что кроется за ними!

Мы спустились в комнату Трелони и нашли все в том же виде, как описывала его дочь.

Послышался звонок колокольчика, и через минуту в комнату ввели человека. Это был юноша с орлиными чертами, проницательными серыми глазами и широким, квадратным лбом, как бывает у мыслителей. В руке у него была черная сумка, которую он немедля открыл. Мисс Трелони представила нас друг другу:

– Доктор Винчестер – мистер Росс, старший офицер Долан.

Мы обменялись поклонами, и доктор без промедления принялся за свою работу. Мы ожидали, с волнением следя за тем, как он обрабатывал рану. Работая, он то и дело обращал внимание офицера на некоторые особенности раны, и тот быстро заносил факты в свой блокнот.

– Смотрите! Несколько параллельных порезов или царапин, идущих с левой стороны кисти и в некоторых местах подвергающих опасности радиальную артерию... А вот эти маленькие раны, глубокие и рваные, похоже, сделаны тупым инструментом. Вот эта, в частности, выглядит как от удара острым клином: плоть кругом порвана, словно от продольного давления.

Повернувшись к мисс Трелони, он вдруг сказал:

– Как вы полагаете, мы можем удалить браслет? Особенной необходимости в этом, правда, нет: он сползет по кисти вниз и сможет висеть свободно, но для дальнейшего удобства больного...

Бедняжка вспыхнула и тихо ответила:

– Я... лишь недавно переехала жить к отцу и знаю о его жизни и привычках столь мало, что боюсь и судить о подобных вещах.

Пронзительно глянув на нее, доктор ласково сказал:

– Простите меня! Я не знал. В любом случае вам не следует расстраиваться. Пока что трогать его необязательно. Будь это необходимо, я взял бы ответственность на себя. В дальнейшем, если понадобится, мы легко снимем его с помощью напильника. Несомненно, у вашего отца были свои причины на то, чтобы носить его... – Он смолк и, взяв у меня свечу, которую я держал, склонился ниже, опуская ее до тех пор, пока свет полностью не упал на браслет-цепочку. Подав мне знак держать свечу таким образом, он вынул из кармана увеличительное стекло. Внимательно осмотрев вещь, он поднялся и подал лупу Долану.

– Лучше осмотрите цепочку сами. Это не обычный браслет. Золото протянуто через тройные стальные звенья: посмотрите, здесь оно износилось. Браслет явно не предназначен для легкого съема с руки, и обычным напильником здесь не обойдешься.

Офицер наклонил свое огромное тело, но, не добившись желаемого обзора, опустился рядом с диваном на колени, как это сделал доктор.

Долан внимательно осмотрел браслет, поворачивая его медленно, чтобы не упустить ни единой мелочи. Затем поднялся и протянул увеличительное стекло мне.

– Когда вы осмотрите его, дайте взглянуть и леди, если она захочет, – предложил он и забегал карандашом по блокноту.

Я слегка изменил его замысел и, обратившись к мисс Трелони, предложил ей осмотреть браслет первой. Она отшатнулась, отрицательно махнув рукой, и с жаром сказала:

– Ах, нет! Отец, несомненно, показал бы его мне, пожелай он, чтобы я его увидела. Я не сделала бы этого без его согласия. – Затем она добавила, словно сглаживая резкость своих слов для нас: – Ну конечно, вам следует осмотреть его. Вам нужно все принять во внимание, и, право же, я... очень вам благодарна.

Мисс Трелони отвернулась, и я увидел, что она тихо плачет. Даже охваченная волнением и находясь в тяжелой беде, девушка несколько досадовала на то, что столь мало знала о своем отце и временами вынуждена была не скрывать этого от чужих людей. То, что все они – мужчины, не делало стыд более переносимым, хотя и несколько облегчало его. Пытаясь разобраться в ее чувствах, я не мог не подумать о том, что она, пожалуй, рада, что в этот час на нее не устремлены глаза женщины, обладающие большей проницательностью, чем глаза мужчины.

Закончив осмотр и поднявшись, я уверился в правильных выводах доктора. Тот вновь занял свое место у дивана и продолжал работу над раненым. Старший офицер Долан сказал мне шепотом:

– Думаю, нам повезло с доктором!

Я кивнул и собрался было сделать комплимент его наблюдательности, но тут в дверь тихо постучали.

Глава 2

Странные инструкции

Офицер Долан тихо подошел к двери: благодаря общему молчаливому соглашению он взял на себя функции старшего в комнате. Остальные ждали. Он слегка приоткрыл дверь, затем с явным облегчением распахнул ее, и в комнату вошел молодой человек, высокий и тонкий, чисто выбритый, с хищным лицом и яркими, живыми глазами, казалось, охватывающими ситуацию одним взглядом. При виде его старший офицер протянул руку, и они обменялись теплым рукопожатием.

– Я пришел, сэр, немедленно по получении вашего послания. Я рад, что по-прежнему пользуюсь вашим доверием.

– И будете в дальнейшем, – сердечно сказал офицер. – Я не забыл наши былые дни на Боу-стрит и никогда их не забуду!

Затем он перешел к делу и принялся выкладывать все, что узнал до того, как появился молодой полисмен. Сержант Доу задал несколько вопросов – очень немного, – необходимых для понимания всех обстоятельств, хотя Долан, зная свою работу досконально, предупреждал каждый вопрос необходимыми пояснениями. Сержант Доу временами осматривался, быстро поглядывая то на одного из нас, то на какую-то деталь комнаты, то на лежащего на диване в бесчувствии раненого.

Когда старший офицер закончил, сержант повернулся ко мне и произнес:

– Возможно, вы помните меня, сэр. Я работал с вами над делом Хокстона.

– Я помню вас прекрасно, – протянул я ему руку.

Снова заговорил Долан:

– Вам ясно, сержант Доу, что вы назначены полностью ответственным за это дело?..

– Надеюсь, под вашим руководством, сэр, – перебил тот.

Долан покачал головой и с улыбкой возразил:

– Мне кажется, это дело потребует от вас полной отдачи. Меня ждет другая работа, но я крайне заинтересован и при случае рад буду оказать вам любую помощь!

– Хорошо, сэр, – отозвался сержант, принимая на себя ответственность и коротко козыряя. Сразу после этого он начал следствие.

Вначале он подошел к доктору и, выяснив его имя и адрес, попросил написать полный отчет, которым можно будет воспользоваться и при необходимости предъявить в управление. Доктор Винчестер мрачно поклонился и обещал. Затем сержант приблизился ко мне и сказал, чуть понизив голос:

– Мне нравится ваш доктор. Думаю, мы сможем работать вместе. – Повернувшись к мисс Трелони, он попросил: – Пожалуйста, расскажите подробнее о вашем отце: его житейские привычки, происхождение, – в общем, обо всем, что могло в какой-то степени интересовать или как-то занимать его.

Я хотел было сказать ему, что девушка уже отметила свою неосведомленность в делах отца и его привычках, но она предупреждающе подняла руку и заговорила:

– Увы! Я не знаю почти ничего. Старший офицер Долан и мистер Росс уже знают все, что я могу сказать.

– Что ж, мадам, тогда удовлетворимся тем, что имеем, – вежливо согласился сержант. – Я начну с подробного осмотра. Вы говорите, что были за дверью, когда слышали шум?

– Я была в своей комнате, когда услышала звук, – право, это могло быть началом разбудившего меня шума. Я немедленно покинула комнату. Дверь отца была закрыта, и я могла

видеть лестничную площадку и ведущие вверх ступени. Никто не мог выйти через дверь незамеченным, если вас это интересует!

– Именно так, мисс. Если каждый, кто знает хоть что-то, расскажет мне обо всем подобно вам, мы вскоре доберемся до сути дела.

Он подошел к кровати, внимательно посмотрел на нее и спросил:

– Постель кто-нибудь трогал?

– Насколько я знаю, нет, – сказала девушка. – Но я спрошу у миссис Грант, экономки, – добавила она, звоня в колокольчик. Вскоре за дверью появилась экономка.

– Войдите, – пригласила хозяйка. – Эти джентльмены хотят знать, миссис Грант, не трогал ли кто-нибудь постель?

– Только не я, мэм.

– Ну тогда, – повернулась девушка к сержанту Доу, – ее никто не мог тронуть. Либо миссис Грант, либо я были здесь все время, и не думаю, что кто-то из слуг, появившихся здесь на мой зов, подходил к постели. Как видите, отец лежал здесь, под большим сейфом, и все столпились вокруг него. Мы очень быстро отослали слуг.

Движением руки Доу попросил нас остаться на той стороне комнаты и принялся осматривать постель с помощью увеличительного стекла, осторожно трогая и возвращая точно на место каждую складку постельного белья. Затем он осмотрел дверь рядом с постелью, особое внимание обращая на те места, где кровь стекла по краям кровати; кровать была сделана из тяжелого красного дерева и изукрашена резьбой. Двигаясь на коленях, он дюйм за дюймом проследил кровавые пятна на полу, стараясь не касаться их, до того места, вплотную к сейфу, где лежало тело. Это место он осмотрел в радиусе нескольких ярдов, но, очевидно, не нашел ничего особенно интересного. Потом он осмотрел фасад сейфа: поверхность вокруг замка, верхнюю и нижнюю части дверных створок и места их соприкосновения на передней панели.

После этого Доу подошел к окнам с закрытыми ставнями, державшимися внизу на защелках.

– Ставни были открыты? – спросил он мисс Трелони небрежно, словно зная ответ, который он и получил.

Все это время доктор Винчестер занимался пациентом, то перевязывая раны на кисти, то тщательно осматривая его голову, шею и грудь над сердцем. Не один раз он касался носом губ бесчувственной жертвы и принюхивался. Каждый раз после этого доктор машинально оглядывал комнату, словно что-то отыскивая.

Но вот послышался низкий, сильный голос детектива:

– Насколько я могу судить, целью было вставить этот ключ в замок сейфа. Похоже, в механизме есть какой-то секрет, суть которого мне не ясна, хотя у меня был в этом вопросе некоторый опыт до того, как я поступил в полицию. Это комбинационный замок из семи цифр, но похоже, был способ заблокировать эту комбинацию. Это работа фирмы Четвуд; я зайду к ним и что-нибудь выясню.

Он повернулся к доктору, словно считая свою работу временно оконченной:

– Нашли что-нибудь, о чем можно сказать сразу, доктор? Если есть сомнения, я могу подождать, но чем скорее получу что-то определенное, тем лучше.

Доктор Винчестер немедленно ответил:

– Что касается меня, смысла ждать я не вижу. Конечно, я составлю полный отчет. Но пока что расскажу вам все, что знаю, хотя и не слишком много, и все, что думаю, а это еще меньше. У него на голове есть рана, вызвавшая ступор, в котором больной находится. Следовательно, я должен предположить, что его подвергли действию наркотического препарата или же влиянию гипноза. Но насколько могу судить, препарата он не принимал – по крайней мере, известного мне своим воздействием. Впрочем, в этой комнате обычно столь сильно пахнет мумией, что трудно различить вещество с тонким запахом. Смею предположить, что вы уловили характер-

ные египетские ароматы – битума, нарда, смолы, специи и прочего. Вполне возможно, где-то в комнате, среди диковин, находится вещество или жидкость, свидетелями действия которых мы являемся. Вероятно, больной принял препарат и в некоей сонной фазе поранил себя. Но я сомневаюсь в этой догадке: прочие обстоятельства могут доказать ее ошибочность. Но пока что эту возможность следует принять к сведению до ее опровержения.

Тут его перебил сержант Доу:

– Это возможно, но в таком случае мы должны были найти инструмент, которым поранена его кисть. Где-то должны присутствовать следы крови.

– Вот именно! – сказал доктор, поправляя очки и, видимо, готовясь к спору. – Но случись оно так, что больной принял некий необычный препарат, его воздействие могло проявиться не сразу. Поскольку мы незнакомы с его свойствами, – принимая догадку за верную, – следует быть готовыми и к этому.

В разговор вступила мисс Трелони:

– Что касается препарата, вы, возможно правы, но касательно второй части вашего предположения: рана могла оказаться самонанесенной, причем после того, как начал действовать препарат.

– Да, это верно! – согласились вместе и доктор и детектив.

Она продолжала:

– Впрочем, ваши догадки, доктор, не исчерпывают вероятностей, и нам следует помнить, что возможны и прочие варианты основной вашей идеи. Отсюда я делаю вывод о необходимости в первую очередь отыскать оружие, которым была поранена кисть моего отца.

– Может быть, он убрал оружие в сейф перед тем, как окончательно потерять сознание, – заметил я, высказывая зародившуюся во мне мысль.

– Это невозможно, – быстро возразил доктор. – По крайней мере, вряд ли, – осторожно добавил он, коротко поклонившись мне. – Видите, его левая рука покрыта кровью, но на сейфе нигде нет следов крови.

– Совершенно верно! – воскликнул я, и последовало долгое молчание.

Первым нарушил его доктор:

– Мы как можно быстрее должны вызвать сюда сиделку, и я знаю одну подходящую. Я немедленно приглашу ее, если смогу. Должен попросить вас постоянно быть с больным до моего возвращения. Позже может возникнуть необходимость переместить его в другую комнату, но пока пусть побудет здесь. Мисс Трелони, я могу рассчитывать, что вы или миссис Грант останетесь здесь – не только в комнате, но и рядом с больным – до моего возвращения?

Она кивнула в ответ и уселась рядом с диваном. Доктор дал ей некоторые указания на тот случай, если отец придет в себя до его возвращения.

Теперь пришла очередь старшего офицера Долана; он подошел к сержанту Доу и сказал:

– Пожалуй, мне лучше вернуться в участок. Конечно, если вы не желаете, чтобы я побыл здесь еще немного.

Тот ответил:

– А Джонни Райт все еще служит в вашем подразделении?

– Да! Хотите взять его к себе? – Доу кивнул в ответ. – Тогда я пришлю его к вам как только смогу это оформить. И он останется с вами так долго, как вы пожелаете. Я прикажу ему работать строго по вашим инструкциям.

Сержант проводил его до двери, добавляя на ходу:

– Благодарю вас, сэр. Вы всегда заботитесь о людях, с которыми работаете. Мне очень приятно снова быть с вами. Я вернусь в Скотланд-Ярд и доложу моему шефу. Затем зайду к Четвуду и вернусь сюда как можно быстрее. Могу ли я рассчитывать, мисс, остановиться здесь на день-другой в случае необходимости? Возможно, я смогу быть вам чем-то полезным, если пробуду здесь до тех пор, пока мы не распутаем эту тайну.

– Буду вам очень благодарна.

Он задержал на ней проницательный взгляд и продолжал:

– Прежде чем я уйду, вы позволите осмотреть стол и бюро вашего отца? Там может быть что-то дающее ключ ко всем этим событиям.

Ее ответ прозвучал настолько прямо, что это почти удивило его.

– Вы получаете самое исчерпывающее решение делать все, что может помочь нам в этой беде, лишь бы узнать, что случилось с отцом, и получить возможность защитить его будущее.

Он медленно начал систематический осмотр туалетного столика, а затем письменного стола в комнате. В одном из ящиков он нашел запечатанное письмо и, перейдя через комнату, тут же вручил его мисс Трелони.

– Письмо адресовано мне и написано почерком отца! – воскликнула она, нетерпеливо вскрывая его. Я следил за ее лицом, пока она читала, но, заметив, как решительно смотрел на нее сержант Доу, ловя малейшее облачко, пробегающее по ее лицу, я переключил внимание на него. Когда хозяйка прочла письмо до конца, я пришел к определенному выводу, но предпочел спрятать его в сердце. Среди прочих подозрений у детектива определенно зародилось подозрение по отношению к самой мисс Трелони.

Несколько минут она держала письмо в руке, опустив глаза и раздумывая. Затем снова внимательно прочла его; на этот раз смена чувств на лице была яснее, и я легко проследил за нею. Закончив повторное чтение, она снова помолчала. Затем, несколько помедлив, подала письмо детективу. Тот прочел его нетерпеливо, но с бесстрастным лицом; прочел снова и с поклоном вернул. Чуть погодя, она подала его мне. При этом на миг подняла на меня умоляющие глаза; ее бледные щеки и лоб зарделись.

Я взял его с противоречивыми чувствами, но в целом был рад. Она не выразила никакого волнения, дав его детективу, и вряд ли выразила бы его кому-нибудь другому, но для меня... Я не решился развить эту мысль дальше и принялся читать, ощущая на себе пристальные взгляды детектива.

«Дорогая моя дочь, я хочу, чтобы ты приняла это письмо в качестве инструкции – абсолютной и обязательной, не позволяющей ни малейших отклонений – в случае, если со мной произойдет нечто неожиданное для тебя и других. Если я буду внезапно и таинственно сражен – болезнью, несчастным случаем или нападением, ты должна точно следовать этим инструкциям. Если я не окажусь в моей спальне, когда ты поймешь, что это со мной случилось, меня следует перенести туда как можно быстрее. Даже в случае моей смерти мое тело должно быть помещено туда. С этого момента и до того, как я приду в сознание и смогу сам дать указания или же буду похоронен, меня нельзя оставлять одного – ни на один миг. С наступления ночи до рассвета не менее двух персон должны находиться в комнате. Желательно, чтобы время от времени в комнате появлялась квалифицированная сиделка и записывала любые постоянные или меняющиеся симптомы, показавшиеся ей необычными. Мои поверенные, Марвин и Джукс из Линкольн-Инн, 27б, получили подробные наставления на случай моей смерти, и мистер Марвин лично проследит за выполнением моих желаний. Я посоветовал бы тебе, дочь моя, поскольку у тебя нет родственника, к которому можно обратиться, найти себе друга, которому можно доверять, и пусть он либо находится в доме, где с ним мгновенно можно связаться, либо приходит еженочно для помощи по наблюдению. Этот друг может быть как мужчиной, так и женщиной, но в любом случае следует добавить еще одного наблюдателя или помощника противоположного пола. Пойми, в этом суть моего желания – наличие бодрствующих и помогающих моей цели мужского и женского интеллектов. Еще раз напоминаю, дорогая Маргарет, о необходимости вести наблюдения и на их основании делать выводы, какими бы странными они ни показались. Если я заболел или буду ранен, обстоятельства будут необычными, поэтому хочу предупредить тебя, чтобы ты была максимально осторожной.

Ни единого предмета в моей комнате – я говорю о диковинах – не должно быть убрано или передвинуто ни в коем случае. У меня особые причины и цели в размещении каждой вещицы, поэтому перестановка может нарушить мои планы.

Если тебе понадобятся деньги или совет по любому вопросу, мистер Марвин выполнит твои пожелания, на что у него есть мои исчерпывающие указания.

Абель Трелони».

Я прочел письмо дважды, прежде чем высказаться, потому что боялся выдать себя. Выбор друга мог остановиться на мне. У меня уже были основания надеяться, поскольку она просила меня о помощи, едва пришла беда, но у любви свои сомнения, и я опасался. Мысли мои закружились с молниеносной быстротой, и через несколько секунд мой замысел обрел форму. Не следует предлагать себя на роль друга, необходимость в котором посоветовал дочери отец, хотя в ее взгляде был намек, который я не должен игнорировать. Впрочем, когда она нуждалась в помощи, разве не послала она за мной, почти незнакомым человеком, если не считать встречи на званом вечере и короткой дневной прогулки по реке?! Не унижит ли ее необходимость просить меня дважды? Унизить ее! Нет, в любом случае я ее от этого избавлю. Поэтому, возвращая ей письмо, я сказал:

– Знаю, что вы простите меня, мисс Трелони, если я осмеливаюсь на чересчур многое, но ваше разрешение на мою помощь в наблюдении заставит меня гордиться. Несмотря на грустный повод, я буду счастлив получить эту привилегию.

Несмотря на мучительную попытку девушки сохранить самообладание, краска скользнула по ее лицу и шее; казалось, и глаза ее налились румянцем. После того как краска схлынула с бледных щек, она тихо ответила:

– Я буду очень благодарна вам за помощь! – И почти сразу добавила: – Но вы не должны позволять мне проявлять при этом эгоистичность! Я знаю, что у вас много дел, и, невзирая на крайне высокую оценку вашей помощи, было бы нечестно распоряжаться вашим временем.

– Не беспокойтесь, – живо ответил я, – мое время принадлежит вам. Сегодня я таким образом построю свой день, что смогу прийти сюда и остаться до утра. Впоследствии, если потребуется, распоряжусь работой так, чтобы у меня было еще больше времени.

Маргарет казалась очень тронутой. Я заметил слезы в ее глазах, и она отвернулась. Заговорил детектив:

– Я рад, что вы здесь, мистер Росс. С разрешения мисс Трелони я тоже буду в доме, если позволит начальство в Скотланд-Ярде. Похоже, письмо меняет все аспекты дела, хотя тайна приобретает еще больший масштаб. Если можете подождать здесь час-другой, я отправлюсь в управление и затем к изготовителям сейфов. После этого я вернусь, и вы сможете уйти с легкой совестью, поскольку я буду здесь.

Когда он ушел, мы с мисс Трелони помолчали. Наконец она подняла глаза и на миг задержала их на мне; после этого я не поменялся бы местами и с королем. Некоторое время она занималась приготовлением постели для своего отца. Затем, попросив меня не сводить с него глаз, поспешила прочь из комнаты.

Через несколько минут она вернулась с миссис Грант, двумя служанками и парой мужчин, доставивших раму и комплект деталей для легкой железной кровати. Они принялись за ее сборку, а по завершении работы удалились, и она сказала мне:

– Хорошо, если все будет готово к возвращению доктора. Он наверняка захочет уложить отца в постель, а подходящая постель окажется для него полезней, чем диван. – Затем она придвинула стул поближе к отцу и уселась, наблюдая за ним.

Я обошел комнату, внимательно примечая все, что увидел. И верно – в комнате хватало вещей, вызывающих любопытство у любого человека, даже при менее странных обстоятельствах. Вся комната, не считая обычных для хорошо меблированной спальни предметов, была

заполнена восхитительными диковинами, большей частью египетскими. Поскольку комната была огромна, в ней возможно было разместить большое их количество, хотя бы и внушительных размеров.

Я все еще осматривал комнату, когда перед домом зашуршал гравий под колесами. Послышался звонок в дверь холла, и через минуту, постучав в дверь и услышав «Войдите!», появился доктор Винчестер в сопровождении молодой женщины в темном платье сиделки.

– Мне повезло! – объявил он входя. – Я быстро нашел ее, и она свободна. Мисс Трелони – это сиделка Кеннеди!

Глава 3

Наблюдатели

Меня поразило то, как обе молодые женщины посмотрели друг на друга. По-видимому, я настолько привык мысленно оценивать личности свидетелей и делать выводы, исходя из их поступков и манеры поведения, что эта привычка вошла в мою жизнь, выйдя за рамки судебных заседаний. В данный момент меня интересовало все, что интересовало мисс Трелони, и, поскольку гостя поразила ее, я также машинально оценил ее. Сравнивая их обеих, я каким-то образом больше узнал о мисс Трелони. И впрямь, обе женщины представляли собой хороший контраст. У хозяйки была прекрасная фигура, смуглая кожа и прямые черты лица. Глаза у нее были обворожительные: большие, широко открытые, черные и мягкие, как бархат, обладающие таинственной глубиной. Они напоминали черное зеркало, в которое заглядывал доктор Ди во время своих колдовских обрядов. На пикнике один старый джентльмен, известный путешественник по Востоку, сравнил эффект, получаемый от взгляда на них, с ночным излучением дальних ламп мечети через открытую дверь. Брови были типичными: тонко изогнутые и густо поросшие длинными густыми волосами, они казались прекрасным архитектурным дополнением к глубоким, прекрасным глазам. Волосы у нее тоже были черными, но тонкими, как шелк. Обычно черные волосы говорят о большой энергии и отображают стихию сильной природы, но в данном случае об этом не могло быть и речи. Здесь чувствовались утонченность и изящное воспитание, и, хотя в ней не было намека на слабость, сила ее была скорее духовного, чем физического происхождения. Она была само совершенство и гармония. Осанка, фигура, волосы, глаза, полный рот, словно освещавший своими алыми губами и белыми зубами нижнюю часть лица, подобно тому, как глаза освещали верхнюю, длинные изящные пальцы и рука с необычайно гибкой кистью – все это создавало женщину, поражающую своей грацией, душевностью, красотой и очарованием.

Сиделка Кеннеди, напротив, была ниже ростом, чем средняя женщина. Она была плотной, с полными руками и ногами и сильными, способными ладонями. Она напоминала осенний лист. Желто-каштановые волосы были густыми и длинными, а золотисто-карие глаза искрились на веснушчатом загорелом лице. Ее розовые щеки, казалось, имели коричневый оттенок, а красные губы и белые зубы не меняли общей цветовой гаммы, а лишь подчеркивали ее. У нее был курносый нос, несомненно, но, как и все подобные носы, он говорил о великодушной, неумолимой натуре весьма добродушного свойства. Широкий белый рот, который пощадили веснушки, выдавал сильную мысль и здравый смысл.

По пути из больницы доктор Винчестер сообщил ей необходимые подробности, и она без единого слова занялась больным, взяв его под свою ответственность. Осмотрев заново сделанную постель и встряхнув подушки, она обратилась к доктору, и тот дал ей указания; вскоре мы вчетвером подняли бесчувственного человека с дивана. Сразу после полудня, когда возвратился сержант Доу, я навестил свое жилище на Джермин-стрит и выслал кое-что из одежды, книг и бумаг, которые могли мне понадобиться в ближайшие дни. Затем отправился выполнять служебные обязанности.

В тот день суд заседал допоздна, чтобы закончить важную тяжбу, и, когда я подъехал к воротам на Кенсингтон Пэлис-роуд, пробило шесть часов. Меня поместили в большой комнате рядом с кабинетом больного.

В ту ночь мы еще не распределили очередность наблюдения, и поэтому ранним вечером дежурства были неравномерными. Сиделка Кеннеди, продежурившая весь день, легла отдохнуть, договорившись прийти снова в двенадцать. Доктор Винчестер, столующийся в доме, оставался в своей комнате, пока не объявили ужин, и вернулся к себе, едва он закончился. Миссис

Грант оставалась в комнате и вместе с ней сержант Доу, пожелавший завершить тщательный осмотр всей комнаты и прилегающих помещений. В девять часов мы с мисс Трелони пошли сменить доктора. Днем она отдохнула несколько часов, чтобы на свежую голову выполнить свои обязанности ночью. Она заверила меня, что по крайней мере этой ночью намерена не сомкнуть глаз и наблюдать. Я не старался разубедить ее, поскольку знал, что ее решение твердо, и тут же решился наблюдать вместе с ней, разумеется, в том случае, если она не пожелает обратного. Пока что я не сказал ей о своем намерении. Мы вошли в кабинет на цыпочках, так тихо, что склонившийся над кроватью доктор не услышал нас и немного испугался, подняв глаза и встретившись с нашими взглядами. Я чувствовал, что тайна всей этой истории действует ему на нервы, как подействовала уже на нервы некоторых из нас. Мне показалось, что он несколько сердит на себя за мимолетный испуг, потому что он торопливо заговорил, пытаясь преодолеть свое смущение:

– Право же, я абсолютно не в силах найти малейшую причину для его ступора. Я снова тщательнейшим образом осмотрел его и удовлетворен отсутствием ранения мозга, по крайней мере, наружных признаков нет. Похоже, все его жизненные органы не повреждены. Как вы знаете, я несколько раз давал ему пищу, и это явно пошло на пользу. Дыхание у него сильное и ровное, а пульс замедлился и усилился по сравнению с утренним. Я не могу найти следов каких-то известных препаратов, и его бессознательное состояние не напоминает ни один из случаев гипнотического сна, виденных мною в клинике Шарко в Париже. Что касается этих ран, – он нежно положил палец на забинтованную кисть, лежащую поверх покрывала, – не знаю, как их объяснить. Они могли быть нанесены текстильным станком, но такое предположение нелепо. Можно считать, и пределы вероятности допускают это, что их нанесло дикое животное, имея оно возможность заточить себе когти. На мой взгляд, это же абсурдно. Кстати, нет ли здесь, в доме каких-либо необычных домашних животных, наподобие сумчатой куницы?

Мисс Трелони улыбнулась печальной улыбкой, при виде которой у меня кольнуло в сердце, и ответила:

– Ах, нет! Отец не любит животных в доме, разве что мертвых и превращенных в мумии. – Это прозвучало с оттенком горечи или же ревности. – Даже мой бедный котенок нежеланный гость в доме, и, хотя он самый милейший и послушный кот на свете, его пребывание в доме напоминает условное и ему не позволено находиться в этой комнате.

В то время как она говорила, послышался слабый звук: кто-то дергал дверную ручку. Лицо мисс Трелони мгновенно просветлело. Она метнулась к двери, бросив на ходу:

– Это он. Это мой Сильвио. Он встает на задние лапы и теребит дверную ручку, когда хочет войти в комнату. – Она открыла дверь, обращаясь к коту, словно к ребенку: – Хочешь к маме, малыш? Войди же, но изволь остаться с нею!

Она подняла кота на руки и вернулась. Определенно, это было восхитительное животное. Шиншилловый серый «перс» с длинной шелковистой шерстью: поистине важный зверь с надменными манерами, несмотря на мягкость, и с могучими лапами, цепко стоящими на земле. Хозяйка продолжала ласкать его, но он вдруг вывернулся, как уж, и выскользнул из ее рук. Перебежав через комнату, он встал напротив низкого стола, на котором стояла мумия животного, и начал мяукать и рычать. Мисс Трелони мигом бросилась к нему и вновь подняла на руки, несмотря на попытки вырваться и толчки задних лап. Впрочем, он не кусался и не царапался, очевидно питая любовь к своей прекрасной хозяйке. Едва оказавшись у нее на руках, он смолк, и она шепотом принялась выговаривать ему:

– Что за несносный Сильвио! Ты нарушил слово, которое дала за тебя мама. А теперь пожелай доброй ночи джентльменам и отправляйся в комнату мамы!

С этими словами она протянула мне кошачью лапу для пожатия. Повиновавшись, я не мог не восхититься ее величиной и красотой.

– Его лапа напоминает боксерскую перчатку, полную когтей, – заметил я, и девушка улыбнулась.

– Так и должно быть. Вы не заметили, что у моего Сильвио семь пальцев, смотрите!

Она раскрыла лапу – и в самом деле, на ней было семь отдельных когтей, каждый словно в нежной, подобной скорлупе, оболочке. Я нежно погладил лапу, из нее высунулись когти, и один из них случайно – потому что кот не сердился и мурлыкал – вонзился мне в руку. Я отдернул ее, и у меня невольно вырвалось:

– Э, да у него когти, как бритвы!

Доктор Винчестер, подойдя к нам поближе, наклонился и осмотрел кошачьи когти. Услышав мое восклицание, он резко охнул.

Я услышал, как у него перехватило дыхание. Пока я ласкал уже успокоившегося кота, доктор отошел к столу и, вырвав лист промокательной бумаги из блокнота для записей, вернулся. Положив бумагу себе на ладонь, он коротко извинился перед мисс Трелони, поместил на него кошачью лапу и прижал ее другой рукой. Похоже, надменному коту не понравилась эта фамильярность, и он попытался убрать лапу. Это явно совпало с желанием доктора, потому что одновременно кот выпустил когти и проделал несколько прорезей в мягкой бумаге. Затем мисс Трелони унесла своего любимца. Через пару минут она вернулась со словами:

– Невероятно странная история с этой мумией! Когда Сильвио пришел в эту комнату впервые, – ведь я взяла его котенком, чтобы показать отцу, – он проделал тот же путь. Он вспрыгнул на стол и попытался поцарапать или укусить мумию. Это так рассердило отца, что он наложил запрет на беднягу Сильвио. Лишь условное разрешение, полученное через меня, удержало его в доме.

Пока девушки не было в комнате, доктор Винчестер снял повязку с кисти ее отца. Теперь рука была вполне чистой и отдельные порезы выступали на ней ярко-красными линиями. Доктор сложил бумагу поперек линии проколов, сделанных кошачьими когтями, и наложил ее на рану. Сделав это, он торжествующе поднял глаза и поманил нас к себе.

Прорези в бумаге соответствовали ранам на кисти! Объяснение было излишним, и он лишь добавил:

– Мастеру Сильвио лучше было бы не нарушать своего слова!

С минуту мы помолчали. Вдруг мисс Трелони сказала:

– Но Сильвио не было здесь прошлой ночью!

– Вы уверены? И смогли бы доказать это в случае необходимости?

Она чуть помедлила, прежде чем ответила:

– Я уверена в этом, но, боюсь, это трудно доказать. Сильвио спит в корзине в моей комнате. Я определенно положила его туда прошлой ночью: отчетливо помню, как укрыла его одеялом и подоткнула края. Сегодня утром я сама вынула его из корзины. И, конечно, я не замечала его здесь, хотя это не имеет большого значения, так как я очень беспокоилась о бедном отце и была слишком занята, чтобы замечать Сильвио.

Доктор покачал головой и несколько печально заметил:

– Во всяком случае, доказать что-либо бесполезно. Любой кот на свете уже очистил бы следы крови со своих лап и успел бы сделать это сотню раз за истекшее время.

Мы снова замолчали, и вновь молчание прервала мисс Трелони:

– Но, по-моему, бедняга Сильвио все же никак не мог поранить отца. Моя дверь была закрыта, когда я впервые услышала шум, а дверь отца была закрыта, когда я прислушалась к нему. А когда я вошла, рана уже была нанесена, так что она должна была появиться до того, как туда мог попасть Сильвио.

Это рассуждение имело достоинство, особенно для меня, как для барристера, поскольку оно могло удовлетворить присяжных. Я получил явное удовольствие, когда с Сильвио была

снята вина, – возможно, потому, что он был котом мисс Трелони и ее любимцем. Счастливым кот! Хозяйка Сильвио явно обрадовалась моим словам: «Вердикт: не виновен!»

Доктор Винчестер, помолчав, заметил:

– Приношу извинения мастеру Сильвио, но я все же озадачен его гневом против этой мумии. А к другим мумиям в этом доме он относится так же? У входа я видел три штуки.

– Здесь их множество, – ответила она. – Иногда я не знаю, где нахожусь – в частном доме или в Британском музее. Но Сильвио не интересуется ни одной из них, кроме этой. Полагаю, это из-за того, что мумия принадлежит животному, а не мужчине или женщине.

– Возможно, она принадлежит коту! – произнес доктор и перешел через комнату, чтобы взглянуть на мумию повнимательней. – Да, – продолжал он, – это мумия кошки и также весьма прекрасной. Не будь она особой любимицей некой важной особы, ее никогда не удостоили бы такой чести. Взгляните! Окрашенный футляр и обсидиановые глаза – в точности, как у человеческой мумии. Необычная вещь знание, передающееся от рода к роду. Вот мертвая кошка, ей, по-видимому, четыре или пять тысяч лет, и другой кот другой породы, живущий практически в другом мире, готов наброситься на нее, словно она вовсе не мертва. Мне хотелось бы немного поэкспериментировать с этой кошкой, если вы не возражаете, мисс Трелони.

Чуть помедлив, хозяйка отвечала:

– Ну конечно, делайте все, что сочтете нужным или мудрым, но, я надеюсь, это не принесет вреда или беспокойства моему бедному Сильвио.

– О, с ним все будет в порядке; мои симпатии будут принадлежать другой стороне.

– Поясните подробнее.

– Мастер Сильвио будет нападать, а другая кошка страдать.

– Страдать? – В ее голосе прозвучала нотка боли.

Доктор успокаивающе улыбнулся:

– Пожалуйста, не беспокойтесь об этом. Она пострадает не в том смысле, как мы это понимаем, за исключением, быть может, внешнего вида и структуры.

– Ради бога, о чем это вы?

– Да просто, дорогая юная леди, антагонистом будет мумия-кошка наподобие этой. Полагаю, на Музейной улице их множество. Я возьму одну из них и помешу вместо этой – вы не посчитаете это нарушением инструкций вашего отца, надеюсь. И тогда мы сможем узнать для начала, питает ли неприязнь Сильвио ко всем мумиям-кошкам или же именно к этой.

– Не знаю, – неуверенно произнесла мисс Трелони. – Инструкции отца не допускают никаких компромиссов. – Помолчав, она продолжала: – Но, конечно, обстоятельства требуют, чтобы было сделано все, что может пойти ему на пользу. Пожалуй, с этой мумией не может быть связано ничего особенного.

Доктор Винчестер промолчал. Он застыл на стуле с таким мрачным видом, что часть этого настроения передалась мне, и я с волнением начинал постигать ранее не осознанную необычность дела, в котором принял столь глубокое участие. Эта мысль вызвала нескончаемую цепь ей подобных. Она росла, давала ростки и воспроизводилась тысячью различных способов. Комната и все, что в ней было, порождали странные мысли. Столь многие древние реликты произвольно уносили вас в странные земли и странные времена. Множество мумий и связанных с мумиями предметов, пропитавшихся запахами битума, специй и смол – ароматами Нарда и Черкесии, не позволяли забыть прошлое. Разумеется, комната была слабо освещена, и даже этот свет заботливо прикрывали ширмы. Сюда не допускался прямой свет, способный проявить себя самостоятельной силой или сущностью и войти в компаньоны. Комната была большой и обладала высокими по отношению к размеру стенами. В ней с избытком хватало места для множества вещиц, не часто появляющихся в спальнях. Дальние углы комнаты казались причудливыми тенями. Не раз многочисленное присутствие мертвых и прошлого овладевали мной с такой силой, что я произвольно и испуганно оглядывался, будто ожидая увидеть

некую странную личность или попасть под влияние. В такие минуты меня не могло полностью утешить и успокоить даже несомненное присутствие доктора Винчестера и мисс Трелони. Поэтому я с явным облегчением увидел в комнате новую личность в облике сиделки Кеннеди. Несомненно, эта деловая, уверенная и способная молодая женщина привнесла элемент безопасности в мир их необузданных фантазий. Казалось, все вокруг проникалось исходящими от нее эманациями здравого смысла. Вплоть до этой минуты я окружал своими фантазиями больного так, что в конечном итоге все относящееся к нему, включая меня, переплелось и слилось воедино будто... Но вот она пришла, и он вновь принял надлежащие пропорции в качестве пациента, комната стала палатой для больного, а тени потеряли пугающие свойства. Единственным не поддающимся устранению был необычный египетский запах. Можете поместить мумию в стеклянный футляр и герметично запечатать его, чтобы не проникал корродирующий воздух, но она по-прежнему будет испускать свой запах. Может показаться, что четыре или пять тысячелетий истощают действующие на обоняние свойства любого предмета, но опыт учит, что эти запахи живут и тайны их неизвестны нам. Сегодня они остаются такими же загадочными, как и в тот миг, когда люди, бальзамировавшие тело, укладывали его в натронную ванну.

Я вздрогнул, сидя на стуле. Меня унесли вдаль всепоглощающие мысли. Наверное, египетский запах подействовал на мои нервы, мою память – и на саму волю.

И вдруг мне пришла в голову мысль, напоминающая вдохновение. Если на меня подобным образом действовал запах, могло ли случиться, что больной, проживший полжизни или больше в этой атмосфере, под влиянием медленного, но постоянного процесса принимает в свой организм нечто, насыщающее его до такой степени, что это нечто превращается в какую-то неведомую силу – или власть – или же...

Я снова глубоко задумался. Это не годится. Мне нужно быть осторожным, чтобы не заснуть и освободиться от уводящих в транс мыслей. Прошлой ночью я проспал лишь часа четыре и эту ночь должен также не сомкнуть глаз. Не объявляя о своем намерении, из страха, что это может добавить огорчения и смущения мисс Трелони, я спустился вниз по лестнице и вышел из дома. Вскоре я нашел лавку аптекаря и покинул ее с респиратором. Когда я вернулся, было десять часов и доктор уходил на всю ночь. Сиделка подошла с ним к двери комнаты больного, выслушивая последние наставления. Мисс Трелони неподвижно сидела возле постели. Неподалеку находился сержант Доу, вошедший после ухода доктора.

Когда к нам присоединилась сиделка Кеннеди, мы договорились, что она подежурит до двух, а затем ее сменит мисс Трелони. Таким образом, согласно инструкциям мистера Трелони, в этой комнате всегда будут мужчина и женщина, и каждый из нас будет покидать комнату чуть позже, чтобы новая смена наблюдателей не начинала дежурства, не узнав от кого-то обо всех происшествиях – если таковые были. Я лег на диван в своей комнате, договорившись с одним из слуг, чтобы он разбудил меня около двенадцати. Через минуту-другую я заснул.

Проснувшись, я несколько секунд приходил в себя, вспоминая, кто я такой и где нахожусь. Впрочем, короткий сон пошел мне на пользу, и я мог смотреть на окружающее под более практичным углом зрения, нежели раньше вечером. Умыв лицо, освеженный, я вошел в спальню больного. Я двигался очень тихо. Сиделка находилась возле постели, спокойная и бодрая, а детектив сидел в кресле на другом конце комнаты, в полутьме. Он не пошевелился, пока я не подошел к нему, и затем глухо произнес:

– Все в порядке, я не спал! – Излишне уверения, подумал я и сказал ему, что его дежурство закончено и он может идти спать, пока я не разбужу его в шесть. Казалось, он обрадовался и живо пошел к выходу, но у двери обернулся и, снова подойдя ко мне, прошептал: – Я сплю чутко и буду держать под рукой свои пистолеты. Надеюсь, тяжесть в голове у меня исчезнет, когда я освобожусь от этого запаха мумии.

Так, значит, он испытывал сонливость подобно мне!

Я спросил у сиделки, не нужно ли ей чего. Я заметил у нее на коленях флакон с нюхательной солью. Несомненно, и она ощущала на себе то же влияние, что и я. Она сказала, что ни в чем не нуждается, но, если ей что-либо понадобится, – она тут же даст мне знать. Мне хотелось, чтобы она не заметила моего респиратора, поэтому я направился к стулу, находящемуся в тени, за ее спиной. Здесь я спокойно надел его и устроился поудобнее.

Мне показалось, что я долгое время сидел, погруженный в мысли. Они кружились в моей голове хороводом, как и следовало ожидать после событий предыдущего дня и ночи. Я снова задумался о египетском запахе: помню, я наслаждался удовлетворением от того, что не чувствую его более. Респиратор делал свое дело.

По-видимому, исчезновение тревожащих мыслей успокоило мой мозг, и в результате телесного отдыха случилось так, что во сне или наяву ко мне пришло видение. Оно напоминало сон, но я вряд ли сумею объяснить его смысл.

Я по-прежнему находился в комнате и сидел на стуле. На мне был надет респиратор, и я знал, что дышу свободно. Сиделка располагалась на своем стуле, спиной ко мне. Она сидела неподвижно. Больной лежал неподвижно, словно мертвый. Это напоминало скорее пантомиму, нежели реальность: все кругом было неподвижно и тихо, и это состояние длилось бесконечно. Откуда-то издалека доносились звуки города: частый стук колес, крик загулявшего кутилы, дальнее эхо свистков и грохот поездов. Свет был крайне тусклым: его отблеск под лампой с зеленым колпаком едва ли рассеивал темноту. Зеленая шелковая бахрома колпака напоминала цветом изумруд под лунным светом. Несмотря на темноту, комнату наполняли тени. Моему смятенному разуму представлялось, будто все реальные вещи стали тенями и тени эти двигались, появляясь в смутных силуэтах высоких окон. Тени обладали ощущениями. Мне даже показалось, что послышался звук, слабое мяуканье кошки, затем шорох штор и металлический звон, как при слабом прикосновении металла к металлу. Я сидел как зачарованный. Наконец, словно в кошмаре, я понял, что это сон, и при входе в его пределы потерял всю свою волю. И вдруг я полностью пришел в себя. У меня в ушах звенел крик. Внезапно комнату залил поток света. Послышались pistolетные выстрелы, один, другой, и в комнате повис белый туман из дыма. Когда зрение мое полностью восстановилось, мне самому впору было вскрикнуть от ужаса при виде того, что было передо мной.

Глава 4

Вторая попытка

Зрелище, представшее перед моими глазами, было ужасным сном внутри другого сна и обладало оттенком реальности. Комната оставалась прежней, но тени исчезли под ярким светом многих ламп, и каждая вещь приобрела четкий и реальный облик.

У пустой кровати занимала кресло сиделка Кеннеди; она сидела выпрямившись, как и прежде. Сиделка поместила сзади себя подушку, чтобы спина ее оставалась прямой, но ее шея, казалось, принадлежала человеку, впадшему в каталепсический транс. Для всех посторонних влияний она была словно каменная статуя. На лице у нее не было ни страха, ни ужаса – ничего присущего женщине в подобном состоянии. В открытых глазах ни удивления, ни интереса. Она как бы превратилась в существо с застывшими эмоциями, теплое, дышащее, но абсолютно безразличное к окружающему миру. Постельное белье было разбросано, будто больного вытащили из-под простынь, не убрав их на место. Угол верхней простыни свешивался на пол, а вблизи него лежал один из бинтов, которыми доктор забинтовал раненую кисть. Еще и еще один лежали на полу чуть дальше, будто указывая место, где теперь лежал больной. Оно почти точно соответствовало тому, где его нашли предыдущей ночью, под огромным сейфом. Но произошло новое ужасное нападение, и была сделана попытка отрезать руку возле браслета, содержавшего крошечный ключик. Со стены был снят тяжелый нож «кукри» – один из имеющих форму листа ножей, применявшийся для нападения горными племенами Индии. Примечательно, что в момент удара произошла заминка, потому что лишь кончик ножа, а не кромка лезвия, ударил в плоть. В результате была пронзена до кости наружная сторона руки, и из раны лилась кровь. Вдобавок оказалась порезанной или ужасно порванной прежняя рана на предплечье, и один из порезов, казалось, выплескивал кровь с каждым толчком сердца. Сбоку от отца стояла на коленях мисс Трелони, и ее белую ночную рубашку пачкала кровь, в лужице которой она стояла. Посредине комнаты сержант Доу, в рубашке, брюках и носках, с ошеломленным видом, машинально перезаряжал свой револьвер. Глаза у него были красные и набрякшие, он казался лишь наполовину проснувшимся и не совсем отдающим себе отчет в том, что происходит. Несколько слуг с всевозможными светильниками в руках теснились в дверях.

Когда я поднялся со стула и шагнул вперед, мисс Трелони подняла на меня глаза. Увидев меня, она пронзительно вскрикнула и вскочила на ноги, указывая на меня пальцем. Никогда не забуду это странное впечатление, создаваемое ее белыми одеждами, испачканными в крови, стекавшей на ее босые ноги. Полагаю, я всего лишь спал, и странное влияние, действовавшее на мистера Трелони, сиделку Кеннеди и в меньшей степени на сержанта Доу, не коснулось меня. Респиратор оказался полезен, хотя и не предотвратил трагедию, яркие последствия которой были передо мной. Теперь я понимаю – и мог понять даже тогда – испуг, усиленный происшедшим, который должна была вызвать моя внешность. Мое лицо все еще прикрывал респиратор, прижатый к носу и рту, а волосы были взъерошены во сне. Должно быть, внезапно шагнув в эту испуганную толпу, освещенный разнокалиберными светильниками, я представлял необычайное и устрашающее зрелище. К счастью, я понял это вовремя и успел предотвратить другую катастрофу, потому что полуневменяемый и действующий машинально детектив уже зарядил револьвер и поднял его, чтобы выстрелить в меня. Но я успел сорвать респиратор и криком предупредить его. Он действовал машинально: в красных полусонных глазах не было даже намека на осознанное действие. Впрочем, опасность была отведена. Как ни странно, напряжение этой ситуации было снято довольно простым способом: миссис Грант, видя, что на юной хозяйке надета одна лишь ночная рубашка, отправилась за халатом и, принеся его, набросила ей на плечи. Этот простой поступок вернул всех нас в реальность. С долгим вздохом

все как один занялись самым безотлагательным делом, а именно остановкой кровотечения из руки раненого. Сама мысль об этом вызвала мое ликование, поскольку кровотечение означало, что мистер Трелони все еще жив!

Урок прошлой ночи не был потерян даром: теперь многие знали, что делать в подобном случае, и через несколько секунд нетерпеливые руки принялись работать над турникетом. За доктором тотчас послали человека, и несколько других слуг исчезли, чтобы привести в порядок свою внешность. Мы подняли мистера Трелони на диван, где он лежал вчера, и, сделав для него все возможное, обратили наше внимание на сиделку. Во время всей этой суматохи она не шевельнулась, продолжая сидеть прямо и жестко и сохраняя спокойное, естественное дыхание и безмятежную улыбку. Поскольку предпринимать что-либо с ней до прихода доктора было явно неразумно, мы принялись обдумывать положение в целом.

Тем временем миссис Грант увела с собой хозяйку и передела ее. Когда Маргарет вернулась, она была немного спокойнее, хотя ее не оставляла нервная дрожь и лицо ее было белым как мел. Я вертел в руках турникет² и видел, как взгляд ее опустился на кисть отца, а затем обежал комнату, то и дело останавливаясь на каждом из присутствующих, но, казалось, не находил утешения. Для меня очевидным было, что она не знала, с чего начать и кому довериться, и, чтобы успокоить ее, я сказал:

– Со мной уже все в порядке, я просто заснул.

Чуть задыхаясь, она тихо ответила:

– Просто вы заснули! Но мой отец оказался в опасности! А ведь я думала, вы настороже! Я ощутил укол правды в ее упреке, но мне очень хотелось помочь ей, и я продолжал:

– Просто заснул. Это весьма плохо, я знаю, но дело обстоит не так уж «просто». Не прими я определенных предосторожностей, я мог бы сейчас уподобиться нашей сиделке.

Девушка живо глянула на зловещую фигуру, сидевшую прямо и напоминающую раскрашенную статую, и лицо ее смягчилось. С обычной своей вежливостью она извинилась:

– Простите меня! Я не хотела быть грубой, но я так расстроена и боюсь, что едва понимаю, что говорю. Ах, это ужасно! Каждую минуту я опасаюсь новой беды, кошмаров и тайны.

Эти слова кольнули меня в самое сердце, и я обратился к ней, чтобы облегчить ее горе:

– Не думайте обо мне! Я не заслуживаю этого. Я был на страже, но я заснул. Могу лишь сказать, что не хотел этого и пытался избежать, но сон охватил меня незаметно. Впрочем, все позади, и его не вернешь. Быть может, когда-нибудь мы поймем эти события, но сейчас давайте попытаемся добраться хоть до какого-то объяснения случившегося. Расскажите мне все, что помните!

Пожалуй, усилие вспомнить несколько оживило девушку. Немного успокоившись, она заговорила:

– Я спала и внезапно проснулась из-за ужасного чувства, что отцу грозит большая и неминуемая опасность. Вскочив, я побежала в чем была в его комнату. Там была крошечная тьма, но, когда я открыла дверь, света оказалось достаточно, чтобы я увидела ночную рубашку отца и поняла, что он лежит возле сейфа, точно там же, где и в первую ужасную ночь. Затем я, кажется, на миг обезумела, – она смолкла и вздрогнула.

Мой взгляд поймал сержанта Доу, все еще крутившего в руках револьвер. Не отрывая взгляда от турникета, я спокойно заметил:

– А теперь расскажите нам, сержант Доу, куда вы стреляли?

Полисмен собрался с мыслями, и в этом ему помогла привычка подчиняться приказам. Оглядев оставшихся в комнате слуг, он сказал с важностью, присущей представителю закона, обращающемуся к посторонним:

² Здесь: хирургический инструмент для зажимания сосудов.

– Вам не кажется, сэр, что мы должны позволить слугам уйти? Тогда мы сможем лучше углубиться в дело.

Я одобрительно кивнул, слуги поняли намек и удалились, хотя и неохотно. Когда последний из них закрыл за собой дверь, детектив продолжил:

– Пожалуй, лучше я расскажу вам о своих впечатлениях, сэр, чем просто перечислю мои действия. То есть насколько я помню их. – В манере его появилось глубокое почтение, вероятно, возникшее из-за того, что собственное положение казалось ему довольно неловким.

– Я отправился спать полуодетым – как и сейчас, положив револьвер под подушку. Это было последнее, о чем я подумал. Не знаю, как долго я проспал. Я выключил электричество, и было довольно темно. Мне показалось, будто я слышу крик, но я не уверен в этом, потому что чувствовал тяжесть в голове, как бывает у человека, которого слишком быстро вызвали на службу после дополнительной работы. Но сейчас, конечно, было по-другому. Итак, первое, о чем я подумал, был револьвер. Вынув его, я бросился на площадку. Затем услышал вопль, или, скорее, зов о помощи, и вбежал в эту комнату. Она была темна, потому что лампа возле сиделки была потушена и единственный свет падал с площадки, через открытую дверь. Мисс Трелони стояла на коленях возле отца и кричала. Мне показалось, будто что-то движется между мною и окном, и, поскольку я с трудом соображал и был полусонным, я выстрелил в это нечто. Оно немного продвинулось вправо и оказалось между окнами – я выстрелил снова. Затем вы поднялись с большого стула и подошли с таким закутанным лицом. Мне показалось – ведь я с трудом соображал и был полусонным, поэтому, сэр, вы непременно примите это в расчет, – показалось, будто вы и есть это самое существо, в которое я стрелял. Так что я собрался выстрелить снова, когда вы сняли повязку.

Тут я спросил у сержанта, чувствуя себя при перекрестном допросе как рыба в воде:

– Вы говорите, я был тем существом, в которое вы стреляли. Каким существом?

Сержант почесал голову, но не ответил.

– Продолжайте, сэр, – настаивал я. – Что это за существо и как оно выглядело?

Ответ был тихим:

– Не знаю, сэр. Мне показалось, будто там что-то было, но что это и на что оно похоже, я не имею ни малейшего понятия. Наверное, это случилось из-за моих мыслей о пистолете перед тем как заснуть и из-за того, что я пришел сюда ничего не соображая и полусонный – факт, который вы, сэр, надеюсь, обязательно припомните в будущем. – Он цеплялся за этот образчик извинения, словно за спасательный круг.

Мне не хотелось сердить его; напротив, я желал иметь его среди союзников. К тому же со мной была тень собственного промаха, и поэтому я сказал ему как можно мягче:

– Совершенно верно, сержант! Ваш поступок был правильным, хотя, принимая во внимание ваше полусонное состояние и возможное воздействие странного влияния, заставившего меня заснуть и ввергнувшего сиделку в каталептический транс, следовало ожидать, что вы погодите и взвесите обстоятельства. Но позвольте мне, пока события свежи, взглянуть на то место, где вы стояли, и на то, где сидел я. Мы сможем проследить траекторию ваших пуль.

Перспектива действия и привычное профессиональное задание, казалось, немедленно взбодрили его, и, работая, он казался другим человеком. Я попросил миссис Грант поддержать турникет и, подойдя к нему, посмотрел в темноту, куда он указывал. Глядя, как он показывает мне место, где стоял тогда, и с деловым видом вынимает револьвер из особого кармана, чтобы сподручнее было указывать, я не мог не отметить четкую работу его ума. Стул, с которого я поднялся, по-прежнему стоял на месте. Я попросил его снова указать направление рукой, желая пройти по следу выстрела.

Сразу за моим стулом, чуть позади, стоял высокий инкрустированный шкафчик. Стекло дверца была разбита, и я спросил:

– Это было направлением вашего первого выстрела или второго?

Ответ был скор:

– Второго. Первый шел вон туда!

Он повернулся чуть левее, поближе к стене, где стоял огромный сейф, и указал. Проследив направление его руки, я подошел к низенькому столу, на котором покоилась среди прочих диковин мумия кошки, вызвавшая гнев Сильвио. Я взял свечу и с легкостью нашел след пули. Она разбила стеклянную вазочку и тащцу³ из черного базальта, изящно гравированную иероглифами, причем гравировальные линии были заполнены зеленоватым цементом и вся вещь была отполирована до равномерной поверхности. Сплюснутая о стену пуля лежала на столе.

Я подошел к разбитому шкафчику. Очевидно, он служил для хранения ценных диковин, потому что в нем находились несколько огромных золотых скарабеев, зеленая яшма, аметист, лазурит, опал, гранит и сине-зеленый фарфор. К счастью, ни одна из этих вещей не была затронута. Пуля прошла через заднюю стенку шкафчика, но прочих повреждений, не считая разбитого стекла, не нанесла. Я не мог не подметить странное расположение вещей на полке шкафчика. Все скарабеи, кольца, амулеты и прочее были расположены в форме неровного овала вокруг изящно вырезанной золотой фигурки бога с головой ястреба, коронованного листком и плюмажами. Пока что я не стал осматривать фигурку подробнее, поскольку моего внимания требовали более насущные дела, но я решил заняться тщательным осмотром всего, как только представится время. Эти древние диковины явно обладали тем же странным египетским запахом; через разбитое стекло повеяло специями, смолой и битумом, причем сильнее, чем от других вещей, находящихся в комнате.

Все происшедшее, по сути, заняло лишь несколько минут. Я удивился, встретившись с лучами рассвета, пробившимися через темные жалюзи в местах, где они неплотно прилегали к оконным рамам. Когда я вернулся к дивану и взял турникет у миссис Грант, она подошла к окнам и подняла жалюзи.

Трудно было представить себе нечто более призрачное, нежели эта комната, когда в нее попал слабый свет раннего утра. Поскольку окна выходили на север, любой попадавший внутрь свет был серым, без розоватого оттенка, появляющегося на рассвете в восточной части неба. Электрические лампы казались тусклыми, но каждая тень обладала особой четкостью и насыщенностью. От утренней свежести не было и следа, ничего не осталось и от нежности ночи. Все было резким, холодным и невыразимо унылым. Лицо бесчувственного человека на диване казалось призрачно желтым, а лицо сиделки приняло зеленый оттенок от колпака находившейся рядом лампы. Лишь лицо мисс Трелони казалось белым, и при виде ее бледности у меня заболело сердце. Все выглядело так, будто ничто в этом Божьем мире никогда не сможет вернуть сюда краски жизни и счастье.

Для всех было облегчением, когда в комнате появился задыхающийся после бега доктор Винчестер. Он задал лишь один вопрос:

– Кто-нибудь может сказать мне, каким образом была получена эта рана?

Видя, как присутствующие качают головами под его взглядом, он смолк и принялся за свою хирургическую работу. На секунду он поднял глаза на сидевшую неподвижно сиделку, но тут же вновь склонился над работой, и хмурые морщинки прорезали его лоб. Он заговорил вновь лишь после того, как все артерии были перевязаны, а раны полностью забинтованы, не считая нескольких просьб о помощи в тех случаях, когда ему нужен был какой-то инструмент. Тщательно обработав раны мистера Трелони, он спросил у его дочери:

– Что случилось с сиделкой Кеннеди?

– Право же, не знаю. Я обнаружила ее, войдя в комнату в половине третьего, сидящей точь-в-точь как сейчас. Мы не трогали ее и не меняли ее положения. Она так и не просыпалась. Даже пистолетные выстрелы сержанта Доу не разбудили ее.

³ Тащца – плоский сосуд, напоминающий блюдо и зачастую помещавшийся на подставку (ит.).

– Пистолетные выстрелы? Так, значит, вы обнаружили причину этого нового нападения? Все молчали, и я решил ответить:

– Мы не обнаружили ничего. Я находился в комнате, дежуря вместе с сиделкой. Еще в начале вечера мне показалось, будто запахи мумии действуют на меня усыпляюще, и поэтому я вышел и раздобыл респиратор. Я надел его, когда пришел на дежурство, но он не спас меня от засыпания. Очнувшись, я увидел, что комната полна людьми: здесь были мисс Трелони, сержант Доу и слуги. Сиделка Кеннеди сидела на своем стуле в той же позе, что и раньше. Сержант Доу, совсем проснувшись и будучи оглушенным тем же запахом или влиянием, подействовавшим на нас, вообразил, что видит нечто движущееся в полутьме комнаты, и дважды выстрелил. Когда я поднялся со стула, с лицом, закрытым респиратором, он принял меня за причину суматохи. Естественно, он собрался было выстрелить снова, но, к счастью, я успел назвать себя. Мистер Трелони лежал возле сейфа точно так же, как был найден прошлой ночью, и из новой раны на его кисти вовсю струилась кровь. Мы подняли его на диван и применили турникет. Фактически и абсолютно это все, что кто-либо из нас пока что знает. Мы еще не дотрагивались до ножа, вы видите, что он лежит возле лужицы крови. Посмотрите! – Я подошел и поднял его. – Кончик красен от высохшей крови.

Доктор Винчестер простоял неподвижно несколько минут, затем сказал:

– Так, значит, происшествия нынешней ночи так же таинственны, как и те, что случились прошлой ночью?

– Верно! – ответил я.

Он помолчал, затем повернулся к мисс Трелони и добавил:

– Пожалуй, лучше перенести сиделку Кеннеди в другую комнату. Полагаю, ничто этому не воспрепятствует?

– Конечно! Пожалуйста, миссис Грант, подготовьте комнату сиделки Кеннеди и попросите двух человек прийти и внести ее туда.

Миссис Грант немедленно покинула нас и, вернувшись через несколько минут, объявила:

– Комната готова, и люди уже здесь.

Согласно ее распоряжениям, двое лакеев вошли в комнату и, подняв одеревенелое тело сиделки Кеннеди, вынесли ее под присмотром доктора из комнаты. Мисс Трелони оставалась со мной в кабинете больного, а миссис Грант отправилась с доктором в комнату сиделки.

Когда мы остались одни, девушка подошла ко мне и, взяв мои руки в свои, сказала:

– Надеюсь, вы забудете о моих словах. Я не хотела обидеть вас и была очень расстроена.

Я не ответил, но поднял ее руки к губам и поцеловал их. Целовать руки дамам можно по-разному. Мой способ предполагал глубокое почтение и уважение и был принят с достоинством, говорящим о благородном воспитании и заметным в малейшем ее движении. Подойдя к дивану, я посмотрел на бесчувственного человека. За последние минуты рассвет заметно набрал силу и добавил ясности дневному свету. Глядя на холодное, застывшее лицо, напоминающее в бледном свете монумент из белого мрамора, я не мог не почувствовать, что за событиями последних двадцати шести часов кроется некая глубокая тайна. Эти кустистые брови прятали могучий замысел, а высокий, широкий лоб таил в себе законченную цепь размышлений, открыть которую могли бы помочь его широкий подбородок и массивная челюсть. Пока я стоял над ним и думал об этом, я почувствовал, как мысли мои разбегаются и на меня вновь опускается ощущение надвигающегося сна, как это случилось прошлой ночью. Я оказал сопротивление и твердо держался за настоящее. Этому способствовало то, что ко мне приблизилась мисс Трелони и, склонив лоб на мое плечо, тихо заплакала. Тут во мне проснулись все мужские добродетели, и это пошло мне на благо. Говорить что-либо не имело смысла: слова не были достойны мыслей. Но мы поняли друг друга, и она не отстранилась, когда я положил ей руку на плечо, словно защищая, как делал давным-давно с маленькой сестрой, чтобы утешить ее в детских неприятностях, как это подобает старшему брату. То, что я взял на себя роль защит-

ника, усилило мою решительность в достижении цели и, похоже, очистило мозг от праздных и смутных метаний мысли. Впрочем, роль защитника подсказала мне убрать руку с ее плеча, когда у двери послышались шаги доктора.

Войдя в комнату, доктор Винчестер пристально посмотрел на больного, прежде чем заговорить. Брови его были нахмурены, а рот казался тонкой, жесткой линией. Вскоре он сказал:

– Во сне, охватившем вашего отца и сиделку Кеннеди, есть много общего. По-видимому, вызвавшее его влияние подействовало одинаково в обоих случаях. В случае с Кеннеди кома не столь выражена. Впрочем, мне кажется, что с ней мы сможем добиться успеха быстрее, нежели с этим больным, поскольку у нас не связаны руки. Я поместил ее на сквозняке, и она уже выказывает признаки обычного обморока, хотя и весьма слабые. Одеревенение ее членов уменьшилось, и кожа кажется более чувствительной – или, скорее, менее нечувствительной к боли.

– Но как случилось, – спросил я, – что, несмотря на бесчувственное состояние мистера Трелони, его тело, как нам известно, совершенно не было одеревенелым?

– На это я не могу ответить. Проблема такова, что мы можем решить ее в несколько часов, но может понадобиться и несколько дней. Но диагноз представит полезный урок нам и, возможно, многим из тех, кто придет после нас, как знать! – добавил он с искренним жаром человека увлекающегося.

На протяжении утренних часов он постоянно порхал между двумя комнатами и с волнением наблюдал за обоими больными. Миссис Грант он приказал оставаться с сиделкой, а с раненым постоянно была мисс Трелони или я, чаще мы оба. Тем не менее мы ухитрились помыться и переодеться, затем позавтракали, пока доктор с миссис Грант оставались с мистером Трелони.

Сержант Доу отправился в Скотланд-Ярд доложить о событиях прошлой ночи, а затем в ближайший участок для того, чтобы договориться о приходе его коллеги, Райта, назначенного старшим офицером Доланом. Когда он вернулся, я не мог не предположить, что ему здорово досталось за стрельбу в кабинете больного, а может быть, вообще за стрельбу без надлежащего повода. Его замечание несколько прояснило для меня этот вопрос.

– Хороший характер кое-чего стоит, сэр, что бы там ни говорили. Гляньте! Я все еще сохранил разрешение на пользование оружием.

День выдался долгим и напряженным. К ночи сиделке Кеннеди стало настолько лучше, что одеревенелость полностью покинула ее. Она по-прежнему дышала спокойно и ровно, но застывшее выражение лица, хотя и достаточно спокойное, уступило место вялым векам и общему облику спящей. К вечеру доктор Винчестер привел еще двух сиделок, одна из которых должна была оставаться с Кеннеди, а другая разделить наблюдение с мисс Трелони, настоявшей на своем бодрствовании. Готовясь к дежурству, девушка проспала несколько часов днем. Мы устроили малый совет и договорились о порядке дежурств в комнате мистера Трелони. Миссис Грант должна была оставаться рядом с больным до двенадцати, после чего ее сменит мисс Трелони. Новая сиделка должна была сидеть в комнате мисс Трелони и навещать кабинет больного каждые четверть часа. Доктор останется до двенадцати, а затем его сменю я. Тот или иной из детективов должен быть неподалеку от комнаты всю ночь и периодически заходить в нее, проверяя, все ли в порядке. Таким образом, сами наблюдатели подвергнутся наблюдению, и возможность повторения событий прошлой ночи, когда оба наблюдателя были выведены из строя, устранялась.

Когда зашло солнце, странное угрюмое волнение охватило всех нас и каждый по-своему приготовился к бодрствованию. Доктор Винчестер, очевидно, подумал о моем респираторе, потому что сказал мне, что сходит и разбудит такой же. В самом деле, эта идея настолько понравилась ему, что он убедил мисс Трелони следовать нашему примеру и также надеть его, когда придет ее очередь наблюдать.

И наступила ночь.

Глава 5

Дополнительные инструкции

Придя на дежурство в половине двенадцатого, я нашел нашу «палату» в образцовом порядке. Новая сиделка, строгая, аккуратная и внимательная, сидела на том же стуле у постели, что и сиделка Кеннеди прошлой ночью. Чуть поодаль, между кроватью и сейфом сидел настроженный и бодрый доктор Винчестер, странный и едва ли не комичный в закрывающем нос и рот респираторе. Стоя в дверном проеме и глядя на них, я услышал тихий звук и, оглянувшись, увидел нового детектива: он кивнул, приложил палец к губам и тихо удалился. Пока еще никто из наблюдателей не поддался сну.

Я занял стул снаружи у двери. Пока что нужды рисковать, попадая под неуловимое влияние прошлой ночи, для меня не было. Разумеется, мысли мои вращались вокруг основных событий прошлого дня и ночи, и я то и дело приходил к странным заключениям, выводам и догадкам, хотя и не отдался, в отличие от прошлой ночи, непрерывной цепочке мыслей. Чувство реальности постоянно было со мной, и я ощущал себя часовым на страже. Раздумья – медленный процесс, и, когда погружаешься в него всерьез, время летит очень быстро. Казалось, прошло совсем немного времени, как вдруг оставленная приоткрытой дверь распахнулась и из комнаты появился снимающий на ходу респиратор доктор Винчестер. То, что он проделал после этого, говорило о его проницательности. Он вывернул подкладку повязки и осторожно понюхал ее.

– Я ухажу, – произнес он, – и приду рано утром, разумеется, если за мной не пошлют раньше. Но сегодня все выглядит хорошо.

Следующим появился сержант Доу: он тихо вошел в комнату и занял место, освобожденное доктором. Я по-прежнему оставался снаружи, но каждые несколько минут заглядывал в комнату. Это, скорее, было формальностью, поскольку в комнате было настолько темно, что проникавшего в нее из коридора тусклого света не доставало, чтобы что-то разглядеть.

Близко к полуночи из своей комнаты вышла мисс Трелони. Прежде чем войти к отцу, она отправилась в комнату, занятую сиделкой Кеннеди. Через пару минут она вышла, и мне показалось, что она чуть повеселела. Она держала свой респиратор в руке, но, перед тем как надеть его, спросила меня, не случилось ли что-нибудь особенное с тех пор, как она легла спать. Я отвечал шепотом, – нужды говорить ночью громко не было, – что все идет хорошо. Тогда она надела респиратор, я последовал ее примеру, и мы вошли в комнату. Детектив и сиделка поднялись, и мы заняли их места. Сержант Доу вышел последним и закрыл за собой дверь, как мы уговаривались.

Некоторое время я сидел спокойно, но с сильно бьющимся сердцем. Комната была мрачной и темной. Единственный свет исходил от лампы, отбрасывая белый круг на потолок и окрашивая изумрудным оттенком нижние края колпака. Этот свет лишь подчеркивал черные силуэты теней, и они, казалось, обрели собственное дыхание, как было и прошлой ночью. Я не чувствовал ни малейшей сонливости и, тихо подходя раз в десять минут, чтобы взглянуть на больного, видел, что и мисс Трелони держится настороже. Каждые четверть часа то один, то другой полисмен заглядывал через приоткрытую дверь. И каждый раз мы с девушкой бормотали им через повязки «все в порядке» и дверь закрывалась.

Время шло, и, казалось, тени постепенно сгущались. Круг света по-прежнему оставался на потолке, но был уже не столь ярким, как вначале, а края колпака лампы напоминали скорее маорийский нефрит, нежели изумруд. Ночные звуки снаружи дома и звездный свет, бледными лучами рисуя кромки оконных рам, лишь усиливали торжественность и таинственность окутанной черным покровом комнаты.

Мы услышали, как в коридоре отзвонили серебряным колокольчиком часы: они пробили дважды, и на меня нашло странное чувство. Судя по движению оглядывающейся мисс Трелони, новое ощущение не миновало и ее. Детектив только что заглядывал, так что мы остались с нею вдвоем у бесчувственного больного на четверть часа.

Мое сердце сильно заколотилось, и тело окутал страх. Но не за себя; мой страх был безличен. Мне показалось, будто кто-то новый вошел в комнату и его сильное присутствие ощущалось рядом. Что-то задело мою ногу. Я торопливо опустил руку и коснулся шелковистой шубки Сильвио. Со слабым, еле слышным рычанием он повернулся и оцарапал меня. Я почувствовал на руке кровь и, тихо поднявшись, подошел к постели больного. Мисс Трелони тоже была на ногах и смотрела оглядываясь, словно что-то находилось с ней рядом. Глаза ее обезумели, и она тяжело дышала, будто от нехватки воздуха. Когда я коснулся ее, казалось, она этого не почувствовала и лишь двигала руками перед собой, словно отгоняя что-то невидимое.

Нельзя было терять ни мгновения: схватив ее на руки, я бросился к двери, распахнул ее и шагнул в коридор с громким криком:

– Помогите! Помогите!

В тот же миг на сцене появились двое детективов, миссис Грант и сиделка. Следом за ними прибежали несколько слуг, женщин и мужчин. Я передал девушку миссис Грант и, бросившись назад, в комнату, первым делом протянул руку и включил свет. Сержант Доу и сиделка последовали за мной.

Мы успели как раз вовремя. Рядом с большим сейфом, как и в предыдущие две ночи, лежал мистер Трелони, вытянув левую, забинтованную руку. Сбоку от него находился египетский нож в форме листа, лежавший ранее среди диковин на полке разбитого шкафчика. Конец его торчал в паркетном полу, откуда был ранее убран испачканный кровью коврик.

Но в комнате ничего не было нарушено, ни единого признака кого-либо или чего-либо необычного. Мы с полисменом тщательно обыскали ее, а тем временем сиделка и двое слуг снова уложили раненого на кровать. Мы так и не смогли найти какой-либо улики или следа. Вскоре мисс Трелони вернулась в комнату. Она была бледной, но собранной. Подойдя ко мне, она тихо сказала:

– Я почувствовала, что теряю сознание. Не знаю почему, но я так испугалась!

Еще одно потрясение я испытал от крика девушки в тот миг, когда положил руку на постель, чтобы наклониться и повнимательнее приглядеться к ее отцу.

– Вы ранены! Посмотрите! Ваша рука в крови. На простынях тоже кровь! – Посмотрев, я вспомнил, в чем тут дело, но не успел сказать и слова, как мисс Трелони поймала меня за руку и подняла ее.

Увидев параллельные линии царапин, она снова вскричала:

– Это та же рана, что и у отца! – Затем осторожно, но быстро опустив мою руку, она сказала мне и сержанту Доу: – Идемте в мою комнату! Сильвио там, он в своей корзине.

Мы последовали за ней и обнаружили Сильвио сидящим в корзине. Он облизывал лапы. Сержант Доу сказал:

– Он и впрямь здесь, но почему он лижет лапы?

Маргарет со стоном наклонилась и взяла одну из его передних лап в ладонь, но коту не понравилось это, и он зарычал. Тут в комнату вошла миссис Грант. Увидев, что мы смотрим на кота, она сказала:

– Сиделка утверждает, что Сильвио спал на постели сиделки Кеннеди с того времени, как вы ушли в комнату вашего отца. Кот пришел туда сразу после того, как вы вошли в комнату хозяина. Сиделка говорит, что Кеннеди стонет и бормочет во сне, словно ей приснился кошмар. Думаю, нам пора послать за доктором Винчестером.

– Пошлите за ним немедленно! – попросила мисс Трелони, и мы вернулись в комнату больного.

Мисс Трелони постояла, глядя на отца и нахмутив брови. Затем повернулась ко мне, словно решившись на что-то, и сказала:

– Вам не кажется, что нам следует посоветоваться насчет отца? Конечно, я полностью доверяю доктору Винчестеру; похоже, этот молодой человек обладает острым умом. Но все же он молод. Нам нужен человек, посвятивший себя этой отрасли науки. У такого человека больше знаний и больше опыта, и именно эти качества помогут пролить свет на дело бедного отца. Как раз здесь доктор Винчестер, по-моему, находится в потемках. Ах! Не знаю что и делать. Все это так ужасно!

Она немного всплакнула, и я старался утешить ее.

Доктор Винчестер прибыл быстро. Первой его мыслью была забота о больном, но, обнаружив, что тот не получил новых ран, он посетил сиделку Кеннеди. Увидев ее, доктор облегченно вздохнул. Взяв полотенце, он окунул его кончик в холодную воду и легко провел им по ее лицу. Кожа порозовела, и спящая слегка пошевелилась. Он спокойно сказал новой сиделке, которую назвал сестра Дорис:

– С ней все в порядке. Она проснется самое большее через несколько часов. Может быть, вначале у нее будет кружиться голова или с ней приключится истерика. В этом случае вы знаете, как за ней ухаживать.

– Да, сэр! – послушно ответила сестра Дорис, и мы вернулись в комнату хозяина.

Едва мы вошли, миссис Грант вместе с сиделкой вышли, и в комнате остались лишь доктор Винчестер, мисс Трелони и я. Когда дверь закрылась, доктор спросил меня, что случилось. Я рассказал ему обо всем подробно, стараясь не пропустить ни единой мелочи. Во время моего не слишком долгого повествования он расспрашивал меня о том, кто при этом присутствовал и в каком порядке каждый из нас приходил в комнату. Он спросил и о других вещах, но они были не слишком важными и не удержались в моей памяти. По окончании нашего разговора он весьма решительно обратился к мисс Трелони:

– Полагаю, мисс Трелони, что нам следует устроить консультацию по этому делу.

Она ответила сразу же, несколько удивив его своими словами:

– Я рада, что вы пришли к такому выводу. Полностью согласна с вами. Кого вы предложите?

– А вы сами никого не выбрали? – спросил он. – Кого-нибудь, кто знает вашего отца? Он никого не консультировал?

– Мне об этом неизвестно. Но я надеюсь, вы выберете того, кого считаете лучшим. Моему дорогому отцу необходимо оказать всю мыслимую помощь, и я буду глубоко признательна вам за ваш выбор. Кто лучший специалист в Лондоне или где угодно в подобном деле?

– Есть несколько хороших специалистов, но все они рассеяны по всему свету. Как ни странно, специалистами по мозгу рождаются, а не становятся, хотя для окончательного совершенствования в этой работе необходим тяжелый труд. Самый смелый исследователь на сегодняшний день – японец Чиуни, но он скорее хирургический экспериментатор, нежели практик. Кроме него есть Цаммерфест из Упсалы, Фенелон из Парижского университета и Морфесси из Неаполя. Разумеется, они лишь дополняют наших новых специалистов – Моррисона из Абердина и Ричардсона из Бирмингема. Но на первое место я бы поставил Фрере из Королевского колледжа. Он лучше всех названных сочетает теорию и практику. У него нет увлечений, и он обладает огромным опытом. Для всех нас, кто восхищается им, большая жалость, что столь стойкие нервы и проворные руки подвержены влиянию времени. Со своей стороны я предпочел бы Фрере любому другому.

– В таком случае, – решительно сказала мисс Трелони, – давайте пригласим доктора Фрере и сделаем это как можно раньше!

Казалось, с плеч доктора Винчестера упал груз, и он заговорил с легкостью и живостью, которых не выказывал прежде:

– Я отправлюсь у нему так рано, как только можно, и попрошу немедленно приехать сюда. – Затем он повернулся ко мне и добавил: – Позвольте-ка мне забинтовать вам руку.

– Просто царапина, – возразил я.

– Тем не менее ее следует обработать. Царапина от любого животного может представлять опасность, лучше не рисковать.

Я подчинился, и он принялся перевязывать мою руку. С помощью увеличительного стекла он осмотрел несколько параллельных ран и сравнил их с отметинами когтей Сильвио на промокашке, которую извлек из своей записной книжки. Затем он убрал бумагу, коротко заметив:

– Жаль, что Сильвио способен проскользнуть, куда ему не следует, и выскользнуть обратно.

Утро тянулось медленно. К десяти часам сиделке Кеннеди стало настолько лучше, что она смогла сесть и пробормотать несколько фраз. Но мысли ее путались и она не смогла вспомнить ничего из случившегося прошлой ночью после того, как она заняла место у постели больного. Похоже, сейчас она не знала, что с ней произошло, да и не интересовалась происшедшим.

Около одиннадцати вернулся доктор Винчестер вместе с сэром Джеймсом Фрере. Почему-то я упал духом, увидев их в холле с верхней площадки; я знал, что мисс Трелони придется вновь испытать боль, не скрывая перед очередным незнакомцем свою неосведомленность в том, что касалось образа жизни отца.

Сэр Джеймс Фрере был человеком, привлекающим к себе внимание, которому сопутствовало уважение. Он настолько точно разбирался в собственных желаниях, что немедленно отставлял в сторону все желания и замыслы персон менее значительных. Казалось, стоило ему блеснуть пронзительными глазами, сжать решительно губы или нахмурить огромные брови – и немедленное повиновение его желаниям обеспечено. Впрочем, когда мы были уже знакомы и он общался с нами на короткой ноге, вся эта таинственность куда-то испарилась. С надеждой я следил, как он входит в комнату больного вместе с доктором Винчестером.

Они оставались в комнате долго и один раз посылали за новой сестрой Дорис, но та вернулась оттуда довольно быстро. Затем оба они вошли в комнату Кеннеди. Он отослал присматривающую за ней сиделку. Позже доктор Винчестер рассказал мне, что Кеннеди, несмотря на некомпетентность в последних событиях, дала полные и исчерпывающие ответы на все вопросы доктора Фрере, касающиеся ее пациента до того момента, как она потеряла сознание. Затем доктора отправились в кабинет, где пробыли долго и принялись столь громко и неприемлемо спорить, что я почувствовал себя неловко. Что касалось мисс Трелони, она была едва ли не в состоянии нервного срыва перед тем, как они вернулись. Бедная девушка! На ее долю выпало столько печальных волнений, что нервные силы ее почти истощились.

Наконец они вышли – сэр Джеймс первым, с лицом суровым и загадочным, как у сфинкса. Доктор Винчестер следовал по пятам, лицо его также было бледным, но бледностью, происходящей от волнения. Мне пришло в голову, что совсем недавно оно было красным. Сэр Джеймс предложил мисс Трелони пройти в кабинет и пригласил меня туда же. Когда мы вошли, сэр Джеймс повернулся ко мне и сказал:

– Доктор Винчестер объяснил мне, что вы друг мисс Трелони и уже довольно много знаете об этом деле. Возможно, ваше присутствие пойдет нам на пользу. Я знаю вас как умного юриста, мистер Росс, хотя и не имел удовольствия с вами познакомиться. Доктор Винчестер уверяет меня, что некоторые события за рамками этого дела озадачили его и не только его и особенно интересуют вас, а следовательно, вам не помешает узнать все детали этого дела. Что касается меня, я не слишком верю в чудеса – не считая научных и могу сказать, что наемным убийцам или грабителям не помешали бы элементарные уроки анатомии перед следующей попыткой, поскольку они проявили себя в этой работе полными невеждами. Если целью

их было ограбление, они, похоже, провели его с изумительной беспомощностью. Впрочем, это не мое дело.

Тут он принял большую понюшку табаку и, повернувшись к мисс Трелони, продолжал:

– А теперь о больном. Оставляя в стороне его болезни, мы можем лишь сказать на данный момент, что он страдает от сильного приступа каталепсии. Сейчас помочь ничем нельзя, за исключением поддержания его сил. В основном я одобряю лечение, предпринятое моим другом доктором Винчестером, и уверен, что с любым незначительным изменением состояния больного он справился достойно. Случай интересен, крайне интересен, и, если последует нечто необычное, я счастлив буду приехать в любое время. Хочу обратить ваше внимание лишь на одно обстоятельство и отношу его прямо к вам, мисс Трелони, поскольку это на вашей ответственности. Доктор Винчестер сообщил мне, что вы не свободны в этом деле, но скованы инструкцией, данной вашим отцом на случай подобных событий. Я настоятельно советую, чтобы больного или переместили в другую комнату или удалили из его кабинета все эти мумии и прочие вещицы. Право же, не годится держать больного человека в подобном окружении, заставляя его дышать исходящими от этих предметов запахами. У вас уже есть доказательства того, как могут действовать подобные миазмы. Эта сиделка – кажется, Кеннеди? – все еще не вышла из состояния каталепсии, и вы, мистер Росс, как мне сказали, испытали такое же воздействие. Вот что, – тут брови его насупились еще больше, – будь я здесь главным, я настаивал бы на смене обстановки для больного или же бросил бы это дело. Доктор Винчестер уже знает, что мои дальнейшие консультации можно получить лишь после выполнения этого условия. Итак, я верю, что вы поступите, как пристало хорошей дочери, и сделаете то, что поможет ему сохранить здоровье или разум, нежели последуете его причудам, будь они поддержаны неминуемыми страхами или же любым числом «ужасных» тайн. Рад сказать вам, что пока еще не настал день, когда Британский музей поменяется функциями с больницей Св. Томаса. До свиданья, мисс Трелони. Искренне надеюсь вскоре увидеть вашего отца в добром здравии. Помните, если элементарные условия, предложенные мною, будут выполнены, я к вашим услугам в любое время дня и ночи. До свиданья, мистер Росс. Надеюсь, вы вскоре поставите меня в известность, доктор Винчестер.

Он удалился, и мы стояли молча, пока не затих грохот колес его кареты. Первым заговорил доктор Винчестер:

– Думаю, в качестве врача сэр Джеймс совершенно прав. Сознаюсь, я готов был наброситься на него, когда он выставил свое условие, но в то же время он прав, говоря о методах лечения. Он не понимает странных особенностей этого случая и узла, завязанного вокруг нас инструкциями мистера Трелони. Разумеется...

Его перебила мисс Трелони:

– Доктор Винчестер, не желаете ли тоже бросить это дело или предпочтете продолжать его на условиях вам известных?

– Бросить его! Я никогда не брошу его, пока в пациенте или в любом из нас продолжает теплиться жизнь!

Она промолчала, но протянула руку, и он тепло пожал ее.

– Итак, – объявила она, – если сэр Джеймс – последователь секты Специалистов, я не желаю о нем слышать. Для начала он знает не намного больше вас о состоянии моего отца, и, будь хоть на сотую часть заинтересован в этом, как вы, он не выставил бы подобных притязаний. Но, конечно, я слишком волнуюсь о бедном отце, и, если появится возможность выполнить некоторые из условий сэра Джеймса, я это сделаю. Сегодня я попрошу прийти сюда мистера Марвина и попытаюсь получить от него совет насчет того, можно ли отступить от пожеланий отца. Если он полагает, что я могу действовать любым способом на свой страх и риск, то я не поколеблюсь сделать это.

Вскоре доктор Винчестер откланялся, а мисс Трелони написала письмо мистеру Марвину, сообщая ему о состоянии дел и прося повидать ее и принести с собой какие-либо бумаги, способные пролить свет на данный предмет. Она отослала письмо с каретой, предназначенной, чтобы захватить сюда поверенного, и мы, набравшись терпения, принялись ждать.

Путь от Кенсингтон-Пэлис-Гарденс до Линкольн-Инн-Филдс не слишком далек, но он кажется бесконечным, когда ожидаешь кого-то, кто им воспользуется. Впрочем, все покорно времени, и менее чем через час мистер Марвин был с нами.

Понимая нетерпение мисс Трелони и узнав достаточно о болезни ее отца, он сказал ей:

– Когда вам угодно обсудить со мною детали, касающиеся желаний вашего отца?

– В любое время, – ответила она, очевидно не понимая его намека.

– Почему бы не сейчас?

Он посмотрел на меня, как на конкурента, и выпалил:

– Мы не одни.

– Я нарочно пригласила сюда мистера Росса, – успокоила она. – Он уже столько знает, что я хочу, чтобы он узнал еще больше.

Поверенный казался несколько смущенным... Те, кто знал его по выступлениям в суде, вряд ли поверили бы в это. Как бы то ни было, он с некоторым колебанием отвечал:

– Но, любезная юная леди, пожелания вашего отца! Конфиденциальность между отцом и ребенком...

Мисс Трелони перебила его с выступившим на бледных щеках румянцем:

– Вы и впрямь полагаете, что это подходит к настоящим обстоятельствам, мистер Марвин? Отец никогда не говорил мне о своих делах, а теперь, в печальной крайности, я должна узнать о его пожеланиях от чужого мне джентльмена, о котором понятия не имела до того, как вскрыла письмо отца, написанное на случай такой крайности... Мистер Росс – новый друг, но я доверяю ему полностью и хочу, чтобы он присутствовал здесь. Разумеется, – добавила она, – лишь в том случае, если это не запрещено моим отцом. Ах! Простите меня, мистер Марвин, если я кажусь грубой, но я едва пережила ужасную беду и еще не взяла себя в руки.

Она закрыла рукой глаза на несколько секунд, а мы оба, поглядев друг на друга, ждали и пытались казаться бесстрастными. Она продолжала, на этот раз тверже:

– Прошу вас! Пожалуйста, не думайте, что я не благодарна вам за вашу доброту и за то, что вы быстро приехали. Я очень благодарна вам и полагаюсь на ваше решение. Если, по вашему, так будет лучше, мы можем остаться одни.

Я поднялся, но мистер Марвин возражающе махнул рукой. Очевидно, ему понравилось ее обращение, и он отвечал с сочувствием в голосе и манерах:

– Никоим образом! Никоим образом! Со стороны вашего отца нет ограничений, а я со своей стороны с радостью пойду вам навстречу, и, действительно, это может пойти на пользу. Из ваших разъяснений о болезни мистера Трелони и прочих случайных происшествий следует, что возможность зловещего развития событий должна управляться непрекращаемыми инструкциями вашего отца. Ибо, пожалуйста, поймите меня, его инструкции неоспоримы никем. Они настолько жестки, что он наделил меня «властью поверенного», позволяющей мне надзирать за выполнением их. Поверьте раз и навсегда, что все содержание письма устремлено к вам! Пока он жив, он должен оставаться в собственной комнате и ничто из его собственности не может быть перемещено ни в коем случае. Он даже предоставил список предметов, которые не следует двигать.

Мисс Трелони молчала. Она казалась опечаленной, и, полагая, что знаю причину этого, я спросил:

– Мы можем посмотреть этот список?

Лицо девушки тотчас просветлело, но снова погрустнело при быстром ответе поверенного, – а он явно был готов к этому вопросу.

– Только не в случае, если я принужден применить власть поверенного. Я захватил этот документ с собой. Вы поймете, мистер Росс, – добавил он с деловой убедительностью, подмеченной мною раньше в его профессиональной работе, подавая документ, – как сильно он составлен и насколько исчерпывающе доверитель высказывает свои пожелания, исключая любые уловки. Таковы его собственные слова, не считая некоторых формальностей, и я заверяю вас, что редко видел более надежный документ. Даже я не имею права позволить малейшее послабление его инструкциям без явного нарушения доверия. А это, сами понимаете, невозможно. – Очевидно, последние слова он добавил, чтобы предотвратить взывания к его сочувствию. Впрочем, ему не понравилась жесткость собственных слов, и он добавил: – Надеюсь, мисс Трелони, что вы поймете мое искреннее и однозначное желание сделать все, что могу, в пределах своей власти, для облегчения вашей беды. Но в поступках вашего отца были собственные цели, которые он не раскрывал мне. Насколько я могу видеть, в его наставлениях нет ни единого необдуманного слова. Та идея, что была у него в голове, – идея всей его жизни; он изучал ее со всех сторон и готов был защищать по всем пунктам.

Боюсь, я опечалил вас, и искренне переживаю, поскольку вижу, что вам и так уже слишком многое довелось перенести. Но выбора у меня нет. Если хотите посоветоваться со мной по любому поводу, я обещаю прийти, не задерживаясь ни на минуту, в любой час дня и ночи. Вот мой частный адрес, – с этими словами он черкнул в своей записной книжке, – а под ним адрес клуба, где меня обычно можно найти по вечерам. – Оторвав листок, он подал ей. Затем пожал нам обоим руки и удалился.

Едва закрылась дверь в холле, как постучалась и вошла миссис Грант. На лице ее читалось такое горе, что мисс Трелони поднялась со смертельно-бледным лицом и спросила:

– В чем дело, миссис Грант? Случилось еще что-нибудь?

– С горечью сообщаю, мисс, что все слуги, за исключением двух, уведомили меня, что желают покинуть дом сегодня. Они уже обговорили это дело между собой, и теперь дворецкий высказался за всех. Он говорит, что, хотя им очень жаль терять жалованье, но они готовы даже выплатить неустойку, лишь бы уйти сегодня же.

– Какую причину они называют?

– Никакой, мисс. Говорят о том, что им очень жаль, но больше сказать им нечего. Я спросила Джейн, горничную с верхнего этажа, которая держится особняком, и она по секрету сказала мне, что они вбили в свои глупые головы, будто дом населяют привидения!

Следовало посмеяться, но мы этого не сделали. Я не мог смеяться, глядя в лицо мисс Трелони. Боль и ужас на нем не сменились внезапной паникой; прозвучало лишь подтверждение уже укрепившейся мысли. Ну а мне показалось, будто мой мозг обрел голос. Но голос не полный, поскольку за ним таилась более темная и глубокая мысль, пока еще не прозвучавшая.

Глава 6

Подозрения

Первой пришла в себя мисс Трелони. С высокомерием и гордостью в осанке она сказала:

– Прекрасно, миссис Грант, пусть они уходят! Заплатите им сегодня месячное жалованье. До сих пор они были очень хорошими слугами, и случай с их уходом не прост. Нельзя ожидать большой преданности от тех, кого обуревают страхи. Те, кто остается, будут получать двойную оплату, и прошу вас прислать их ко мне, как только потребуется.

Миссис Грант нахохлилась, подавляя негодование: натура экономки не переносила подобного великодушия к слугам, сговорившимся подать уведомления.

– Они не заслуживают этого, мисс. Подумать только, уходят от такой хорошей хозяйки. Я в жизни не видела, чтобы со слугами кто-либо был столь добрым, как вы. Им здесь было все равно как у короля при дворе. А едва беда на порог – и полюбуйтесь, как они поступают. Это наглость, вот как я это называю!

Мисс Трелони приласкала ее, успокаивая задетое чувство достоинства экономки, и вскоре та удалилась, уже не испытывая прежней враждебности к «неблагодарным». Вскоре она вернулась совершенно в другом настроении, чтобы осведомиться, не угодно ли хозяйке нанять полный штат новых слуг.

– Вы же знаете, мэм, – продолжала она, – как только в людской поселяется страх, избавиться от него почти невозможно. Слуги придут, но быстро уйдут, и их ничем не удержишь. Они просто не останутся и, даже отработывая месяц после увольнения, устроят вам такую жизнь, что вы ежечасно будете жалеть об их присутствии. Уж насколько плохи эти шлюхи-женщины, но мужчины еще хуже!

В голосе и манерах мисс Трелони не было ни волнения, ни негодования:

– Полагаю, миссис Грант, лучше постараться обойтись теми, что остались. Пока мой дорогой отец болеет, гостей у нас не предвидится, так что ухаживать нужно лишь за нами троими. Если желающих остаться не хватает, я бы наняла еще нескольких для помощи в работе. По-моему, несложно будет отыскать нескольких горничных, хотя бы из тех, кого вы знаете. И пожалуйста, имейте в виду, что вновь нанятые, показав себя надежными в работе, должны получать одинаковое жалованье с теми, кто остался. Разумеется, хотя я никоим образом не ставлю вас в один ряд с ними, правило двойной оплаты распространяется и на вас.

С этими словами она протянула изящную руку, и экономка подняла ее к губам и поцеловала в свободной манере, как пристало старшей женщине по отношению к младшей.

Я не мог не восхититься великодушием девушки по отношению к слугам и мысленно подтвердил мнение экономки, высказанное ею, когда она покидала комнату:

– Неудивительно, что дом напоминает королевский, когда хозяйка его – принцесса!

«Принцесса!» Так оно и было. Эта мысль показалась мне точной и напомнила сцену бала на Белгравия-сквер, где я впервые увидел ее в потоке света. Королевская фигура! Высокая, стройная, гибко покачивающаяся лилия или лотос в облегающем тончайшем платье из черной ткани, пронизанной золотом. Украшением в ее волосах служил старинный египетский талисман – крошечный хрустальный диск, обрамленный вырезанными из лазурита плюмажами. На ее кисти был широкий браслет античной работы в форме трех разведенных крыльев из резного золота, с перьями из самоцветов. Несмотря на ее любезное ко мне отношение после того, как нас познакомила хозяйка, в то время я робел перед нею. Лишь позже, на речном пикнике, когда я понял ее милую и нежную душу, моя робость перешла в нечто иное.

Несколько минут она сидела, делая пометки на бумагах, а затем отодвинула их и послала за преданными слугами. Мне показалось, что на время разговора лучше оставить их одних, и я вышел. Вернувшись, я заметил следы слез у нее на глазах.

Следующая сцена, в которой я принял участие, оказалась несравненно более волнующей и болезненной. Поздно днем в кабинет, где я находился, пришел сержант Доу. Осторожно закрыв за собой дверь и внимательно оглядев комнату, он подошел поближе.

– В чем дело? – спросил я. – Кажется, вы хотите поговорить со мной наедине?

– Совершенно верно, сэр! Могу я рассчитывать на полную конфиденциальность?

– Несомненно. Во всем, что идет на пользу мисс Трелони и, разумеется, ее отцу, вы можете быть абсолютно откровенны. Полагаю, мы оба желаем приложить все силы на их благо.

Он помедлил, затем ответил:

– Как вам известно, у меня свой долг, и думаю, вы знаете меня достаточно, чтобы предположить, что я его выполняю. Я полисмен, детектив и мой долг – найти факты в любом деле, которое мне поручено, никого не боясь и никого не покрывая. Я предпочту поговорить с вами наедине без ссылок на долг тому или иному, кроме моего долга Скотланд-Ярду.

– Ну конечно, конечно! – машинально подтвердил я, и сердце мое почему-то екнуло. – Будьте откровенны, я обещаю вам всю конфиденциальность.

– Спасибо, сэр. Полагаю, то, что я скажу, не должно быть сообщено никому. Даже мисс Трелони или же мистеру Трелони, когда он поправится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.